ИЗДАНІЯ ОБЩЕСТВА
РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

*1. Букварь гражданскій и церковный, съ приложеніемъ молитвъ, статей для чтенія, краткихъ свѣдѣній о Россіи и прописей, ц. 20 к.

2. Подвижныя буквы ц. 10 к.

*3. Азбука и чтеніе для перваго возраста. Е. Вельтманъ. 2 ч. ц. 60 к.

4. Дѣтскій возрастъ, для начальнаго чтенія, съ методическими пріемами для постепеннаго развитія дѣтей. Съ 50-ю картинами. 2 ч. ц. 80 к.

5. Курсъ Новой Исторіи. Ч. I я. Сост. професор. Соловьевымъ ц. 80 к.

6. О римскомъ католицизмѣ и его отношеніяхъ къ православію. Свящ. Иванцова-Платонова, ч. 1-я ц. 1 р. 15 к., ч. 2-я ц. 90 к. За двѣ части 1 р. 90 к.

*7. Русская лѣтопись для первоначальнаго чтенія. Сост. проф. Соловьевымъ ц. 40 к.

8. Царь и Великій князь Іоаннъ Васильевичъ Грозный. И. Бѣляева. ц. 20 к.

9. Краткое описаніе жизни Святѣйшаго Никона, патріарха Всероссійскаго. ц. 25 к.

10. Бояринъ Матвѣевъ. ц. 25 к.

*11. Тысяча восемьсотъ двѣнадцатый г. О. Гончаровой ц. 15 к.

12. Смутное время. Д. Васильева ц. 20 к.

13. Жизнеописаніе Царя Соломона. А. Невскаго. ц. 20 к.

14. Сказаніе о жизни святит. и чудот. Митрофана Воронежскаго, ц. 10 к.

15. Воскресеніе Христово и двѣнадцать праздниковъ православной Церкви. Изд 2-е ц. 10 к.

16. Жизнеописаніе Царя Давида. Съ рисунками и картою Палестины. ц. 25 н.

17. Святый и славный пророкъ, предтеча и креститель Господень Іоаннъ. ц. 15 к.

18. Жизнь и дѣянія св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова. ц. 20 к.

19. Разсказъ изъ жизни христіанскихъ подвижниковъ: Алексѣй Божій Человѣкъ, Филаретъ Милостивый, Марія Египетская. Б. Алмазова ц. 25 к.

20. Преподобный Іоаннъ Дамаскинъ. Поэма графа Толстаго ц. 10. к.

---

*) Нумера книгъ обозначенные звѣздочкою, указываетъ сочиненіе, одобренное Ученымъ Комитетомъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія.

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

МИНИНЪ и ПОЖАРСКІЙ.

ИЗБАВЛЕНІЕ МОСКВЫ

ВЪ 1612 ГОДУ.

МОСКВА.
Типографія и Литографія А. Торлецкаго и М. Терихова.
Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

1875.

Дозволено цензурою. Москва, Декабря 13 дня, 1874 года.

Печально начался XVII-й вѣкъ въ нашей исторіи. На престолѣ Московскомъ Борисъ Годуновъ, овладѣвшій короною лукавствомъ, происками и наконецъ убійствомъ законнаго наслѣдника престола, младшаго сына Іоанна Грознаго, Димитрія Царевича. Государство, и особенно Москва, въ тревожномъ унынiи. Царь окруженъ шайкою доносщиковъ и наушниковъ, которые зорко слѣдятъ за знатными фамиліями. По первому подозрѣнію, по первому доносу, начинаются розыски, мученія. Никто не можетъ ручаться за цѣлость своей головы, свободы, чести. Публичныхъ казней нѣтъ, за то въ полномъ разгарѣ тайныя убійства, пытки, ссылки, заточенія... Ужасное время!

Картина принимаетъ еще болѣе мрачный цвѣтъ, когда мы представимъ себѣ страшный трехлѣтній голодъ и моровую язву, которые терзали въ то время наше несчастное отечество. Цѣлые города и деревни пустѣютъ или истребленные заразой, или брошенные своими жителями. Крестьяне и холопы, за нѣсколько только лѣтъ передъ этимъ (указомъ 1597 г.) окончательно прикрѣпленные къ землѣ и господамъ, толпами бѣгутъ въ

Сѣверскую Украйну; недовольные своимъ новымъ положеніемъ, они составляютъ тамъ разбойничьи шайки подъ начальствомъ какого-нибудь Хлопки-Косолапа и крупными отрядами врываются въ области Московскаго Государства, съ озлобленіемъ мстя за свое прежнее угнетеніе разореніемъ, убійствами, пожарами. Въ народѣ—волненіе: не зная, что дѣлать, онъ винитъ въ своихъ несчастіяхъ Царя. И вдругъ, къ довершенію всего, проносится таинственный слухъ, что Царевичъ Димитрій, который въ 1591 г. по приказанію Бориса былъ умерщвленъ въ Угличѣ, что этотъ Царевичъ Димитрій живъ и теперь идетъ отыскивать отцовское наслѣдіе.

Эти бѣдствія впрочемъ были только началомъ, вступленіемъ въ ужаснѣйшую эпоху Русской исторіи, въ эпоху такъ называемаго смутнаго времени.

Разнесшійся слухъ о спасеніи и намѣреніи Димитрія былъ не безъ основанія. Въ Польшѣ, дѣйствительно, явился человѣкъ (1603 г.), которой имѣлъ дерзость назваться священнымъ именемъ мученика — царевича. Большинство убѣждено, что это былъ бѣглый дьяконъ Чудова монастыря, Григорій Отрепьевъ. Сошедшись съ вліятельными польскими вельможами, князьями Вишневецкими и съ воеводой сендомирскимъ Юріемъ Мнишкомъ, при содѣйствіи іезуитовъ, которые давно уже искали случая ввести у насъ католическую религію, и наконецъ подъ покровительствомъ короля польскаго Сигизмунда, самозванецъ успѣлъ набрать небольшое войско изъ праздной воинственной польской шляхты съ нѣсколькими тысячами запорожскихъ казаковъ, и

съ этою арміей, перейдя (въ октябрѣ 1604 г.) Днѣпръ, вступилъ въ Сѣверскую Украйну. Города украинскіе не оказывали ему никакого сопротивленія, кромѣ Новгорода-Сѣверскаго, гдѣ сидѣлъ мужественный воевода Петръ Басмановъ. Въ слѣдъ за тѣмъ рѣшительное пораженіе самозванца подъ Сѣвскомъ могло бы положить конецъ его смѣлому предпріятію, какъ вдругъ Борисъ скоропостижно скончался (13 апрѣля 1605 г.). Москва тотчасъ же присягнула шестнадцатилѣтнему прекрасному сыну его Θеодору, который главнымъ начальникомъ войска назначилъ Басманова. Народъ въ Сѣверіи, между прочимъ, все больше и больше переходилъ на сторону самозванца. Басмановъ, при такомъ положеніи дѣлъ, не разсчитывая на успѣхъ, со всѣмъ своимъ войскомъ самъ рѣшился измѣнить законному Царю. Возмущенная сторонниками Димитрія, Москва 1-го Іюня (слѣд. чрезъ 6 недѣль послѣ присяги), свергнула съ престола несчастнаго Θеодора, а 10-го іюня онъ, вмѣстѣ съ своею матерью, былъ удавленъ. Ровно черезъ 10 дней опять, 20-го іюня, былъ торжественный въѣздъ самозванца въ первопрестольную столицу. Но не долго, всего одиннадцать мѣсяцевъ поцарствовалъ отважный обманщикъ: легкомысленное отношеніе его къ православной вѣрѣ, неуваженіе отеческихъ обычаевъ и преданій, женитьба на полячкѣ Маринѣ Мнишекъ (дочери Юрія),—все это сильно подняло противъ него народъ. Бояре, ставшіе на сторону самозванца съ цѣлью низложить только Годуновыхъ, воспользовались этимъ неудовольствіемъ и составили обширный заговоръ, во гла-

вѣ котораго былъ Василій Шуйскій. Чѣмъ свѣтъ, 17-го мая 1606 года, они ворвались съ толпою народа въ Кремль, и мнимый сынъ Грознаго былъ убитъ. Послѣ этого бояре возвели на престолъ Василія Шуйскаго, обязавъ его многими условіями въ свою пользу. Понятно, что народъ, не участвовавшій въ этомъ избраніи, былъ недоволенъ, тѣмъ болѣе, что Шуйскій своимъ правленіемъ не могъ заслужить народнаго распоряженія. И вотъ, въ слѣдующемъ же году, пошелъ опять глухой слухъ по народу, что Димитрій спасся и находится теперь въ Литвѣ. Для удостовѣренія народа въ дѣйствительной смерти царевича Димитрія, Василій велѣлъ перенести мощи его изъ Углича въ Москву. Но недовольный народъ плохо повѣрилъ Шуйскому, который, будучи въ 1591 г. однимъ изъ слѣдователей по дѣлу объ убіеніи этого самаго царевича Димитрія, теперь говорилъ и дѣйствовалъ совсѣмъ иначе. Вспыхнулъ бунтъ и опять въ Сѣверской Украйнѣ, поднятый въ пользу мнимо-спасеннаго царевича Путивльскимъ воеводой, княземъ Шаховскимъ. Главнымъ начальникомъ возстанія сталъ Иванъ Болотниковъ, бывшій прежде холопомъ. Собравъ около себя большое войско изъ бѣглыхъ крестьянъ, холопей и казаковъ, онъ двинулся къ Москвѣ. Не далеко отъ Москвы съ нимъ соединились рязанскіе мятежники подъ начальствомъ дворянина Прокопія Ляпунова и воеводы Сунбулова. Но Ляпуновъ и Сунбуловъ скоро помирились съ царемъ; а Болотниковъ, побѣжденный племянникомъ Шуйскаго, Михаиломъ Скопинымъ-Шуйскимъ, заперся въ Тулѣ

вмѣстѣ съ княземъ Шаховскимъ и однимъ казацкимъ самозванцемъ, вздумавшимъ назвать себя сыномъ Ѳеодора Ивановича — Петромъ. Самъ Шуйскій, съ многочисленнымъ войскомъ, осадилъ Тулу и, принудивъ ее голодомъ къ сдачѣ, казнилъ Шаховскаго съ Лжепетромъ, послѣ чего воротился въ Москву. Наконецъ въ Стародубѣ-Сѣверскомъ явился новый Лжедимитрій, Лжедимитрій II, въ главѣ буйной вольницы изъ бѣглыхъ крестьянъ и холопей. Къ нему присоединились и многіе польско-литовскіе паны подъ начальствомъ гетмана (т. е. главнаго начальника войска) Рожинскаго. Самозванецъ двинулся къ столицѣ и въ 12-ти верстахъ отъ нея расположился станомъ въ селѣ Тушинѣ. Сюда насильно провезли къ мнимому ея мужу и Марину Мнишекъ. Между тѣмъ какъ Тушинскій воръ и Рожинскій силились овладѣть Москвою, литовскіе наѣздники Сапѣга и Лисовскій занялись осадою Троицкой Лавры, въ надеждѣ воспользоваться ея прославленными богатствами; но монахи съ нѣсколькими сотнями стрѣльцовъ цѣлые 16 мѣсяцевъ оборонялись отъ непріятелей и успѣли отстоять крѣпкую Лавру. Въ тоже время тушинскіе легкіе отряды, разсѣявшись по Московскимъ областямъ, жгли, грабили ихъ, и города одинъ за другимъ переходили на сторону самозванца. Въ самой Москвѣ нельзя было положиться на вѣрность жителей: здѣсь нашлось много даже такихъ людей, которые ради жалованья или высшаго титула, переходили на службу въ тушинскій лагерь и потомъ возвращались къ царю Василію съ изъявленіемъ мнимаго раскаянія, и не стыдились по-

нѣскольку разъ повторять эту измѣну (они получили въ насмѣшку за это названіе «перелетовъ)». Смятеніе во всемъ государствѣ было выше всякаго описанія. Въ такомъ отчаянномъ положеніи, царь Василій послалъ племянника своего Скопина Шуйскаго въ Новгородъ съ просьбою о помощи у Шведскаго короля Карла IX-го. Врагъ Поляковъ и опасаясь ихъ господства въ Россіи, Карлъ съ охотою отпустилъ на помощь Московскому царю 5,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Делагарди. Соединившись съ ополченіемъ, которое Скопинъ набралъ въ сѣверозападной Россіи, шведское войско и Русскіе двинулись на очищеніе государства отъ Тушинцевъ. Отпавшіе города начали опять признавать царемъ Василія. Побѣда всюду шла за Скопинымъ; подъ Колязинскимъ монастыремъ онъ на-голову разбилъ Сапѣгу. Между тѣмъ польскій король Сигизмундъ подступилъ къ Смоленску; къ нему перешли Поляки, бывшіе съ самозванцемъ въ Тушинѣ. Тушинскій воръ потихоньку убѣжалъ изъ лагеря въ Калугу; вслѣдъ за нимъ прискакала туда, переодѣтая гусаромъ, Марина. Тогда Рожинскій сжегъ лагерь и отступилъ съ Поляками на западъ, а казаки, многіе Русскіе измѣнники, бѣглые крестьяне, холопы опять пристали къ самозванцу. Герой Скопинъ безпрепятственно вступилъ въ Москву, съ восторгомъ принятый ея жителями и ужъ началъ готовиться къ новому походу подъ Смоленскъ, какъ вдругъ занемогъ кровотеченіемъ изъ носа и черезъ нѣсколько дней умеръ, по общему убѣжденію, отравленный на пиру у князя Воротынскаго своею теткой, женой царскаго брата Димитрія Шуйскаго, который разсчитывалъ на корону послѣ бездѣтнаго брата и въ племянникѣ видѣлъ соперника.

Когда же царское войско, отправленное къ Смоленску подъ начальствомъ неискуснаго Димитрія, потерпѣло рѣшительное пораженіе отъ гетмана Жолкѣвскаго, при деревнѣ Клушино, тогда Захарій Ляпуновъ (братъ Прокопія) возмутилъ Москвитянъ противъ Василія; его низвели съ престола и насильно постригли въ монахи (1610).

Управленіе государствомъ перешло въ руки верховной думы, состоявшей изъ семи знатнѣйшихъ бояръ, между которыми главное мѣсто занималъ князь Мстиславскій. Надлежало теперь рѣшить, кому быть царемъ. Встало разногласіе: одни держали сторону Тушинскаго Лжедимитрія; патріархъ Гермогенъ настаивалъ на избраніи царя изъ Русскихъ бояръ; верховная дума выразила желаніе пригласить на царство Сигизмундова сына Владислава. Появленіе Жолкѣвскаго съ войскомъ подъ стѣнами Москвы дало перевѣсъ партіи королевича. Бояре вступили въ переговоры съ гетманомъ и согласились присягнуть Владиславу, однако съ условіемъ чтобы онъ перемѣнилъ свою религію на православную, женился на русской и правилъ съ властію, ограниченною боярами и высшимъ духовенствомъ. Чтобы покончить дѣло, отправлено было къ Сигизмунду посольство, въ главѣ котораго находились князь Василій Васильевичъ Голицынъ и Ростовскій Митрополитъ Филаретъ (бывшій бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ,

постриженный въ монахи Годуновымъ). Жолкѣвскій, по приглашенію самихъ бояръ, вступилъ съ войскомъ въ столицу, но когда получилъ извѣстіе, что Сигизмундъ имѣетъ намѣреніе самъ сдѣлаться царемъ Московскимъ, поспѣшно уѣхалъ подъ Смоленскъ, оставивъ въ Москвѣ гарнизонъ подъ начальствомъ пана Гонсѣвскаго. Русское посольство между тѣмъ вело безполезные переговоры съ польскими панами, которые прежде всего требовали сдачи Смоленска. Такъ какъ наши послы положительно отказали въ этомъ, то Сигизмундъ отправилъ ихъ плѣнниками въ Польшу, куда отвезли и бывшаго царя Василія Шуйскаго съ братьями. Около того же времени Тушинскій самозванецъ былъ застрѣленъ Татариномъ Урусовымъ. Многіе, согласившіеся признать Царемъ Владислава только изъ страха ко второму Лжедимитрію, по смерти послѣдняго, не думали болѣе о королевичѣ, особенно потому, что Сигизмундъ, извѣстный своею слѣпою приверженностью къ католицизму, оспаривалъ у сына московскую корону.

Поднялся всеобщій ропотъ. Гермогенъ началъ разсылать по городамъ грамоты, призывая народъ и ратныхъ людей на защиту вѣры и отечества. Составилось ополченіе и дружины 25-ти городовъ двинулись къ Москвѣ подъ начальствомъ Прокопія Ляпунова. Съ нимъ соединилась бывшая прежде въ службѣ у Тушинскаго вора казацкая вольница, подъ начальствомъ Трубецкаго, Заруцкаго и другихъ. Но прежде прихода ополченія, Москвитяне начали уже тѣснить Поляковъ, которые спаслись тѣмъ, что зажгли городъ въ разныхъ

мѣстахъ, такъ что на мѣстѣ Москвы осталось одно пепелище; уцѣлѣли только Кремль и Китай-городъ, въ которыхъ потомъ крѣпко засѣлъ польскій гарнизонъ и мужественно выдерживалъ осаду русскаго ополченія, подступившаго въ числѣ 100,000 человѣкъ. По общему согласію, правительственная власть и начальство надъ русскимъ войскомъ поручены были тремъ вождямъ: князю Димитрію Трубецкому, Ивану Заруцкому и думному дворянину Прокопію Ляпунову. Но между вождями скоро открылись сильное несогласіе и ссоры. Ляпуновъ, человѣкъ съ большими способностями и неуступчивой рѣшимости, возбудилъ противъ себя неудовольствіе своею гордостію; особенно ненавидѣли его казаки, которымъ онъ не давалъ спуску за ихъ буйства и грабежи. Этою ненавистью съумѣлъ воспользоваться Гонсѣвскій, переславъ въ казацкій станъ подложную грамоту, написанную отъ имени Ляпунова и заключавшую въ себѣ приказъ истреблять казаковъ. По своему обычаю, казаки собрали «коло» (т. е. кругъ), потребовали Ляпунова, и изрубили его саблями. Со смертію главнаго вождя ополченіе разстроилось: дворяне разъѣхались по домамъ, и казаки хотя и продолжали осаду, но занялись грабежемъ сосѣднихъ областей болѣе, нежели осадой. Среди этихъ печальныхъ обстоятельствъ, Смоленскъ сдался Сигизмунду; Новгородъ отдѣлился отъ Москвы и отдался подъ покровительство Швеціи; во Псковѣ явился третій Лжедимитрій (какой-то дьяконъ Исидоръ); нѣкоторыя области, Казань напр., признали царемъ сына Марины Мнишекъ (отъ втораго Лжеди-

митрія). Прочное Московское государство готово было распасться на части, тѣмъ болѣе, что помощи не предвидѣлось ни откуда.

Вотъ въ какомъ положеніи находилось наше дорогое отечество за 250 лѣтъ назадъ, въ 1611 году! Не даромъ одинъ иностранный путешественникъ того времени (Буссовъ) выражалъ удивленіе, «какъ такая страна могла выносить столь долгое время такіе ужасы.» Положеніе дѣйствительно было отчаянное. Казалось, пробилъ послѣдній часъ существованія Россіи. Всѣ уныли, всѣ упали духомъ... Но въ эту безнадежную минуту занималась уже заря спасенія тамъ, откуда всего меньше ее ожидали...

I.

Самую горячую дѣятельность для спасенія государства показалà въ это трудное время Троицкая Лавра. Архимандритъ Лавры Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ неутомимо разсылали во всѣ концы гибнувшаго государства краснорѣчивыя грамоты, въ которыхъ рѣзкими чертами изображали неистовство Поляковъ, гибель отечества и православія, умоляя собрать послѣднія силы и идти для очищенія Москвы отъ непріятеля. Грамоты эти передавались изъ города въ городъ и вездѣ возбуждали въ народѣ сильное религіозное воодушевленіе, особенно въ сѣверовосточныхъ областяхъ Россіи, которыя менѣе другихъ пострадали отъ польскихъ и казацкихъ шаекъ. «Во всѣхъ же городѣхъ Московскаго

Государства», говоритъ лѣтописецъ, «слышаху таковое душевредство подъ Москвою, и о томъ скорбяше и плакахуся и креста не цѣловаху ни въ которомъ городѣ». Могучій Русскій народъ проснулся... Всѣ были въ трепетномъ ожиданіи; что-то великое, чудесное готово было совершиться. По городамъ и селамъ промчалось вдругъ слово о таинственномъ и страшномъ видѣніи нѣкоему Григорію въ Нижнемъ-Новгородѣ: видитъ онъ, будто сама собой снялась съ его дома крыша, комната наполнилась яркимъ свѣтомъ, и явились два благолѣпные мужа, объявляя, что русская земля тогда только спасется, если наложитъ на себя трехдневный повсемѣстный постъ. По совѣту всей земли Московскаго государства, всѣмъ православнымъ народомъ дѣйствительно положили поститься въ продолженіе трехъ дней и трехъ ночей всѣмъ, не исключая даже грудныхъ младенцевъ. Носились слухи о видѣніяхъ во Владимірѣ, въ Троицкой Лаврѣ... Итакъ народъ былъ готовъ; нужно было только поднять кому-нибудь первый голосъ, дать толчокъ.

Въ октябрѣ 1611 года одна изъ троицкихъ грамотъ была получена въ Нижнемъ Новгородѣ. Старшіе люди въ городѣ и духовенство собрались на воеводскомъ дворѣ, въ Кремлѣ, посовѣтоваться, что̀ дѣлать, на что̀ рѣшиться. Во время совѣщанія вдругъ поднимается человѣкъ и сильнымъ, взволнованнымъ голосомъ говоритъ: «Св. Сергій явился мнѣ во снѣ и повелѣлъ возбудить уснувшихъ; прочтите грамоты Діонисіевы въ соборѣ, а тамъ, что будетъ Богу угодно.» Стряпчій

Биркинъ, не пользовавшійся добрымъ именемъ въ городѣ, служившій сперва Шуйскому, потомъ Тушинскому вору, потомъ опять Шуйскому, опять измѣнившій ему вмѣстѣ съ Ляпуновымъ, который и прислалъ его въ Нижній, — этотъ Биркинъ хотѣлъ противорѣчить, но человѣкъ, заявившій о своемъ чудесномъ призваніи, заставилъ его замолчать, съ негодованіемъ прервавши: «или хочешь ты, чтобы я открылъ православнымъ то, что замышляешъ ты?»

Но кто же такой этотъ грозный обличитель? Это былъ одинъ изъ земскихъ старостъ Нижняго-Новгорода, Козьма Захарьичъ Мининъ, Сухорукій, *) Къ сожалѣнію, не много, или, вѣрнѣе, почти ничего не знаемъ мы о жизни знаменитаго Нижегородца до этого времени: знаемъ, что онъ «художествомъ говядарь», т. е. мясной торговецъ, пользовавшійся уваженіемъ въ городѣ за свою честность, доказанную отправленіемъ общественной должности земскаго старосты, и за храбрость на войнѣ, потому что онъ во время всеобщаго ополченія подъ начальствомъ Ляпунова въ 1611 г. былъ въ числѣ ратниковъ. Ни преданія, ни исторія не сохранили для потомства ничего больше о первоначальной жизни Минина.

На другой день послѣ совѣщанія, въ Спасскомъ соборѣ ударили къ обѣднѣ, и, къ величайшему удивленію Нижегородцевъ, въ большой колоколъ. Что это?

*) Полное имя знаменитаго Нижегородца сберегла для насъ купчая 1602 года (См. Москвитянинъ 1852 года, I, 33 стран.)

День не праздничный... вѣроятно какая-нибудь особенная причина? Всѣ спѣшатъ въ храмъ. По окончаніи обѣдни, протопопъ Савва выходитъ предъ народъ и голосомъ, полнымъ рыданій, начинаетъ говорить: «Увы намъ, господіе чада мои и братіе, увы намъ! Се бо приидоша дніе конечныя гибели; погибаетъ Московское государство; и вѣра православная гибнетъ. О, горе намъ! О, лютаго обстоянія! Польскіе и Литовскіе люди въ нечестивомъ совѣтѣ своемъ умыслили Московское государство разорить и непорочную вѣру Христову въ латинскую многопрелестную ересь обратить! И кто не восплачетъ здѣ, братіе, кто же не источитъ источники слезные отъ очей своихъ? Грѣховъ нашихъ ради попущаетъ Господь врагомъ нашимъ возноситися! Увы намъ, братіе мои и чада, благокрасный бо градъ Москву оные еретики до основанія раззорили, и людей его всеядному мечу предали. Что сотворимъ, братіе, и что возглаголемъ? Не утвердимлися въ соединеніи, и не станемъ ли до смерти стояти за вѣру христіанскую чисту и непорочну и за святую соборную и апостольскую церковь честнаго Его Успенія и за многоцѣлебныя мощи московскихъ чудотворцевъ? Се же и грамота просительная властей Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря». Слушатели были сильно потрясены, и когда Савва вслѣдъ за этимъ сталъ читать грамоту Діонисіеву, чтеніе часто было прерываемо рыданіями и восклицаніями: «Увы намъ! гибнетъ Москва! гибнетъ государство!» Только что успѣлъ Савва кончить чтеніе, подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ призывной грамоты, выдвигается опять

тотъ же земскій староста Мининъ, и, обращаясь къ согражданамъ, говоритъ: «Если захотимъ помочь Московскому Государству, такъ не жалѣть намъ имѣнія своего, и не только имѣнія, нѣтъ!—дворы продадимъ, женъ и дѣтей заложимъ и станемъ бить челомъ тому, кто бы вступился за истинную православную вѣру и былъ у насъ начальникомъ.» Въ заключеніе отслужили молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, горячо прося Бога о помощи народу православному...

Нижній-Новгородъ представлялъ картину шумнаго движенія: стали сходиться на улицахъ, на площадяхъ, въ домахъ, толкуя и страдая о положеніи отечества. Мининъ являлся то тамъ, то здѣсь съ своими пламенными увѣщаніями, его вездѣ встрѣчали и слушали съ восторгомъ; вліяніе его на согражданъ росло съ каждымъ днемъ. Но рѣшительнаго ничего еще не было. «Что же намъ дѣлать?» спрашивали его наконецъ.— «Ополчаться;»—отвѣчалъ Мининъ—«сами мы неискусны въ ратномъ дѣлѣ, такъ станемъ кличъ кликать повольныхъ служилыхъ людей.»—«А казны намъ откуда взять служилымъ людямъ?» Это былъ самый серьезный вопросъ: всѣ понимали, что для успѣха дѣла необходимо, чтобы ратные люди были во всемъ обезпечены. Но Мининъ раньше всѣхъ понималъ всю важность этого вопроса и уже рѣшилъ его съ своими друзьями; «я, убогій, съ товарищами, своими—отвѣчаетъ онъ на вопросъ о казнѣ—всѣхъ насъ двѣ тысячи пятьсотъ человѣкъ, а денегъ у насъ въ сборѣ тысячу семь сотъ руб., брали третью деньгу; у меня было триста руб., и я сто

руб. въ сборныя деньги принесъ: то же и вы сдѣлайте!» Вопросъ поставленъ былъ прямо и смѣло, но Нижегородцы не отступили передъ нимъ: «будь такъ, будь такъ!» было единодушнымъ восклицаніемъ,—и тутъ же начался сборъ. Въ восхищеніи отъ такого блестящаго пріема своего предложенія, Козьма Захарьичъ велѣлъ нести на лобное мѣсто кромѣ денегъ разныя цѣнныя вещи: монисты, пронщи, басты жены своей Татьяны и даже золотые и серебряные оклады, бывшіе на святыхъ инокахъ. Нижегородцы, увлеченные геройскимъ примѣромъ своего земскаго старосты, несли тоже послѣднее достояніе на пользу общую: «почто намъ сія суетная, когда вѣра Христова погибаетъ!» говорили они. Одушевленіе было общее. Пришла одна купеческая вдова и говоритъ: «осталась я послѣ мужа бездѣтна, и есть у меня 12,000 руб.: 10,000 отдаю въ сборъ, 2,000 оставляю себѣ.» Въ семьѣ не безъ урода: не обошлось и безъ такихъ, конечно, для которыхъ личный интересъ выше всего на свѣтѣ, которые старались уклониться отъ жертвы, но такихъ людей силой принуждали участвовать въ общемъ дѣлѣ.

При такомъ усердіи, не много нужно было времени для того, чтобы сборъ достигъ значительныхъ размѣровъ: снесеннаго имѣнія было столько, что скоро увидѣли возможность «кликнуть кличъ по вольныхъ служилыхъ людей.» Но здѣсь необходимо долженъ былъ представиться вопросъ: кто же поведетъ ополченіе? Гдѣ воевода? Открылось совѣщаніе, которое не привело, впрочемъ, къ единодушному выбору: перебрали всѣхъ

извѣстныхъ бояръ и воеводъ и ни на одномъ не могли остановиться. Нѣтъ ничего страннаго, если мы припомнимъ, какъ въ то тревожное время обманывали всеобщія надежды люди даже въ родѣ Басманова, а между тѣмъ отъ личности воеводы зависѣло здѣсь все. Но что̀ же Козьма Захарьичъ? Неужели онъ не подумалъ объ этомъ? Нѣтъ, въ дѣятельномъ умѣ этого замѣчательнаго человѣка вопросъ о воеводѣ давно уже былъ рѣшенъ, но ему нужно еще съ нимъ увидаться, переговорить: согласится ли онъ принять начальство надъ ополченіемъ? И потому, когда Нижегородцы обратились къ Минину за совѣтомъ, онъ не далъ имъ положительнаго отвѣта, а попросилъ нѣсколько дней на размышленіе.

Кто же этотъ воевода, на котораго палъ выборъ Минина? Въ это время, въ одномъ изъ своихъ суздальскихъ имѣній, въ 120 верст. отъ Нижняго (думаютъ, въ Пурихѣ), жилъ большой стольникъ и воевода князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій. Происходя отъ древней фамиліи князей стародубскихъ, *) князь Димитрій Михаиловичъ составилъ себѣ громкую извѣстность своими личными качествами и военными подвигами. Исторія сохранила о немъ гораздо больше свѣдѣній, нежели

*) Родоначальникомъ князей стародубскихъ былъ Иванъ Всеволодовичъ (сынъ Всеволода, по прозванью «Большое Гнѣздо,» внукъ Юрія Долгорукаго, правнукъ Мономаха), получившій въ 1236 г. отъ своего брата Велик. Кн. Ярослава Всеволодовича, гор Стародубъ на Клязьмѣ (Владим. Губ., въ 12—14 вер. отъ уѣздн. гор. Коврова) Москвит. 1852 г., N 10, 59—61.

объ его знаменитомъ сподвижникѣ. Вотъ главныя изъ нихъ въ бѣгломъ перечнѣ. Князь Дим. Мих. родился въ 1578 году: 20-ти лѣтъ отъ роду былъ уже стряпчимъ, и въ этомъ званіи подписалъ грамоту объ избраніи въ цари Бориса Годунова. Въ 1608 г. онъ разбилъ близъ Коломны единомышленниковъ тушинскаго вора. Въ слѣдующемъ за тѣмъ году онъ разогналъ разбойничьи шайки Салькова. Въ 1610 году, когда всѣ города возмутились противъ Шуйскаго, онъ удержалъ въ покорности Зарайскъ. Наконецъ во время приступа къ Москвѣ, въ 1611-мъ году, былъ раненъ въ своемъ Лубянскомъ укрѣпленіи (на Лубянкѣ, въ прих. Введенія во Храмъ, гдѣ нынѣ 3-я гимназія); раненый отвезенъ въ Лавру, а оттуда въ свою деревню, гдѣ теперь и лѣчился. Слава Пожарскаго гремѣла тогда по Руси, его уважали вездѣ, какъ храбраго и искуснаго въ бояхъ воеводу, какъ человѣка, сохранившаго вѣрность Шуйскому до послѣднихъ минутъ этого несчастнаго царя. Итакъ, вотъ на кого палъ выборъ Минина, вотъ кому Мининъ имѣлъ въ виду «ударить челомъ, чтобы вступился за истинную православную вѣру и былъ у нихъ начальникомъ.» Но воевода лежитъ въ настоящее время больной отъ тяжкихъ ранъ, — въ состояніи ли будетъ принять на себя новые труды? Надо было съ нимъ увидаться, переговорить. Мининъ отправился лично въ деревню къ князю.

Мы не имѣемъ положительныхъ свидѣтельствъ о свиданіи двухъ великихъ людей. Разсказываютъ, впрочемъ, что пріѣзду нижегородскаго купца князь Пожарскій не

далъ съ начала никакого важнаго значенія. Но когда этотъ купецъ, допущенный въ его спальню, съ огненнымъ краснорѣчіемъ заговорилъ о страданіяхъ дорогаго отечества, о необходимости немедленной помощи о приготовленіяхъ въ своемъ городѣ, больной князь приподнялся съ постели и, забывъ на время свои страданія, съ горячимъ вниманіемъ и участіемъ слушалъ умнаго и одушевленнаго мясника. Мининъ, наконецъ, перешелъ къ прямой цѣли своего посѣщенія, и съ такимъ жаромъ умолялъ князя сжалиться надъ бѣдствіями отечества и стать во главѣ собирающагося ополченія, что отказаться ни у кого не достало бы духу: подавая своему будущему сподвижнику руку и указывая на свой мечъ, Пожарскій отвѣчалъ «мужаимся и укрѣпимся о людяхъ нашихъ и о градѣхъ Бога нашего, и Господь сотворитъ благое предъ очима своима».

Какъ бы то ни было, сдѣланное черезъ нѣсколько дней Мининымъ предложеніе о выборѣ въ воеводы князя Пожарскаго было принято съ восторгомъ: «хотимъ, хотимъ—онъ любъ намъ»! неслось со всѣхъ сторонъ, и тутъ же положено было составить посольство къ князю. Послами поѣхали архимандритъ Ѳеодосій и выборные люди изъ всѣхъ сословій. Князь ласково принялъ посольство, говорилъ о своей готовности отдать послѣднюю каплю крови за бѣдное отечество и обѣщался скоро самъ пріѣхать въ Нижній, но, въ заключеніе, прибавилъ: «выберите прежде изъ посадскихъ людей, кому со мной у такого великаго дѣла быть и казну собирать». Объ этомъ они, вѣроятно, согласи-

лись при свиданьи съ Мининымъ, зная, что когда собранныя деньги отданы будутъ Трубецкому съ Заруцкимъ, они пропадутъ даромъ. Послы отвѣчали, что въ городѣ такого человѣка не знаютъ, но Пожарскій сказалъ имъ на это: «есть у васъ Козьма Мининъ, бывалъ онъ человѣкъ служивый, ему это дѣло за обычай.»

Нельзя представить себѣ радость, съ какой Нижегородцы выслушали отъ пословъ слова князя; онъ отдаетъ хозяйственную часть въ ихъ собственное распоряженіе и предлагаетъ въ выборные самаго достойнаго изъ нихъ человѣка! Мининъ жилъ въ это время въ Благовѣщенской слободѣ, въ приходѣ Рождества Іоанна Предтечи. Нижегородцы толпой отправились къ нему на домъ просить, чтобъ онъ согласился быть съ княземъ Пожарскимъ «у великаго дѣла и казну собирать». Но Минину для успѣха дѣла этого было мало, ему нужно было, чтобы Нижегородцы сдались на всю волю, и потому онъ какъ будто холодно принялъ ихъ предложеніе и сталъ отказываться. Нижегородцы «съ прилежаніемъ ему говорили», стали умаливать; тогда Мининъ предложилъ имъ такое условіе: «соглашусь—сказалъ онъ—если напишете приговоръ, что будете во всемъ послушны и покорны и будете ратнымъ людямъ давать деньги». И за этимъ дѣло не стало: приговоръ написанъ, и руки приложены, но Мининъ не забылъ приписать въ приговорѣ и своихъ прежнихъ словъ, что «не только отдавать имѣніе, но женъ и дѣтей продавать». А такъ какъ увлеченіе, съ какимъ Нижегородцы согласились на такія пожертвованія, могло пройдти,

остынуть, то умный староста, боясь, чтобъ они не взяли приговора назадъ, поспѣшилъ отправить его къ князю Пожарскому.

II.

Быстро разнеслась по ближайшимъ городамъ вѣсть, что Нижній Новгородъ всталъ и готовъ на всѣ пожертвованія для ратныхъ людей. Начался приливъ ратныхъ людей въ Нижній. Смоленскіе дворяне, которымъ послѣ завоеванія Смоленской области даны были земли въ Арзамасскомъ уѣздѣ, но которыхъ казаки Заруцкаго выгнали и отсюда, прислали челобитниковъ въ Нижній съ просьбой — принять ихъ къ себѣ. Нижегородцы отправили этихъ челобитчиковъ къ князю Пожарскому, съ тѣмъ, чтобъ онъ скорѣе пріѣзжалъ въ Нижній. Посланные возвратились съ радостнымъ извѣстіемъ, что князь собирается уже въ дорогу. Съ нетерпѣніемъ стали ждать въ Нижнемъ избраннаго вождя. Счастливый день этотъ скоро насталъ. Весь городъ вышелъ на встрѣчу своему воеводѣ, который ѣхалъ на бѣломъ конѣ, въ главѣ значительной рати, потому что на дорогѣ къ нему присоединились Дорогобужане и Вязьмичи, которыхъ такъ же какъ и Смольнянъ казаки Заруцкаго выгнали изъ Ярополча *). Величавая осанка, быстрый взглядъ, добродушіе, которое выражалось на его открытомъ лицѣ, и, къ тому же, безпорочное имя —

*) Ярополчъ — въ настоящее время — Вязники.

все это вмѣстѣ придавало князю Пожарскому неизмѣримую цѣну и уваженіе въ глазахъ нижегородскихъ гражданъ. Торжественно поднесли они ему хлѣбъ-соль и деньги, которые собрали для ополченія.

Первымъ дѣломъ Пожарскаго, по пріѣздѣ въ Нижній, было заняться вмѣстѣ съ Мининымъ раздачею жалованья ратнымъ людямъ. Но охотниковъ стать въ ряды ополченія стеклось столько, что, наконецъ, стало недостаточно нижегородской казны для нихъ *). Тогда князь Дмитрій Михайловичъ разослалъ грамоты въ понизовые и поморскіе города: Вологду, Вычегду и др., прося ихъ о денежной помощи и въ то же время самихъ возбуждая къ возстанію: «И вамъ бы, господа,— писалъ онъ между прочимъ, — помнить свое крестное цѣлованье, идти бы теперь на литовскихъ людей всѣмъ вскорѣ». Грамоты достигли своего назначенія: мы уже говорили, что народъ былъ готовъ, нужно было только, чтобы кто-нибудь далъ первый примѣръ, первый голосъ. «Всюду же сіе промчася собраніе, рады быша» — говоритъ лѣтопись. Открылось всеобщее движеніе: отовсюду изъ городовъ слали въ Нижній казну премногую, выборныхъ людей для совѣта; толпами валили ратные люди. Первые прибыли Коломничи, за ними Рязанцы. Движеніе отдалось даже въ далекихъ украинскихъ го-

**) По извѣстію одного хронографа, жалованіе давалось ратнымъ людямъ слѣдующее: первой статьѣ — 50 р., второй — 45 р., третьей — 40 р. и меньше 30 р. не было («Москвитян.» 1850 г., II.) Кстати: справочная цѣна на хлѣбъ въ это время была 1 р. за четверть («Москвитян.» 1852 г., II).

родахъ, оттуда пришли многіе люди, наконецъ ополченіе увидало въ числѣ своихъ ратниковъ козаковъ и стрѣльцовъ, которые сидѣли въ Москвѣ при царѣ Василіи. Божіе благословеніе сошло на великое и святое дѣло: ни ссоры, ни вражды, напротивъ,—миръ и любовь царствовали въ этой нестройной и пестрой массѣ ополченцевъ.

Начальники ополченія ждали помощи изъ Казани, но тамъ затѣвалось совсѣмъ другое. Воеводой въ Казани былъ въ это время Шульгинъ, человѣкъ не первый разъ уже замышлявшій возобновить Казанское царство и сдѣлаться его властелиномъ. Въ Нижнемъ объ этомъ узнали. Начальники ополченія послали для убѣжденія Шульгину извѣстнаго уже намъ стряпчаго Биркина, вопреки впрочемъ совѣтамъ Минина, который величалъ его «сосудомъ сатаны». Подозрѣніе Козьмы Захарьевича сбылось: бывшій съ Биркинымъ протопопъ Савва и другіе духовные возвратились въ Нижній съ горькимъ извѣстіемъ, что Биркинъ, по пріѣздѣ въ Казань, тотчасъ же сошелся съ измѣнникомъ Шульгинымъ и остался въ Казани. Извѣстіе, дѣйствительно, было горькое, но дѣлать нечего, пора и въ путь. И вотъ князь Димитрій и Козьма, и всѣ ратные люди—говоритъ лѣтописецъ — возложили упованіе на Бога и, вспомнивъ Іерусалимское плѣненіе, какъ по раззореніи іерусалимскомъ собрались послѣдніе люди и, пришедши подъ Іерусалимъ, очистили святой градъ; такъ и теперь Московскаго государства послѣдніе люди собравшися шли противъ безбожныхъ латынъ и противъ своихъ измѣнниковъ.

Что же между тѣмъ дѣлается въ это время въ Москвѣ? Припомните, въ какомъ положеніи оставили мы первопрестольную столицу послѣ смерти Ляпунова: теперь безчинство ея защитниковъ, казаковъ, дошло до крайняго предѣла. Вотъ что писали въ началѣ 1612 г. бояре московскіе въ Кострому и Ярославль, убѣждая ихъ отложиться отъ Заруцкаго и быть вѣрными Владиславу. «Казаки Заруцкаго — писали они, — ѣздятъ отъ насъ изъ табора по городамъ безпрестанно, грабятъ, невинную кровь христіанскую проливаютъ, церкви разоряютъ, иконы святыя обдираютъ и многія скаредныя дѣла на иконы дѣлаютъ, чего умъ нашъ страшится написать». Далѣе боярская грамота извѣщаетъ, что казаки подмосковнаго стана вошли въ сношеніе съ псковскимъ самозванцемъ, который, припомните, появился тотчасъ по смерти Ляпунова. Эти сношенія кончились тѣмъ, что съ небольшимъ чрезъ мѣсяцъ, именно 2-го марта подмосковный станъ присягнулъ самозванцу.

Но вотъ на Москвѣ получено извѣстіе о собраніи ратныхъ людей въ Нижнемъ Новгородѣ. Встрепенулись и осажденные Поляки, не менѣе встрепенулся и Заруцкій съ своими казаками. Зная, какое вліяніе имѣетъ на народъ патріархъ Гермогенъ, Поляки съ угрозами стали требовать, чтобъ онъ запретилъ своею грамотой идти новому ополченію подъ Москву, но они глубоко ошиблись въ разсчетѣ. Гермогенъ былъ не изъ такихъ людей, на котораго можно было дѣйствовать угрозами, тѣмъ болѣе, что въ нижегодскомъ ополченіи онъ видѣлъ единственную надежду на спасеніе отечества, которое

такъ горячо любилъ. «Да будутъ благословенны тѣ,— отвѣчалъ онъ Полякамъ, — которые идутъ для очище- ніе Московскаго государства, а вы, измѣнники, будьте прокляты!» И съ тѣхъ поръ, говоритъ лѣтописецъ, начали его морить голодомъ, и умеръ онъ голодною смертію февраля 17-го, и погребенъ въ Чудовомъ мо- настырѣ *).

Заруцкій, съ своей стороны, принялъ болѣе дѣятель- ныя мѣры противъ ополченія. Въ мартѣ мѣсяцѣ изъ Ярославля дано было знать въ Нижній, что Заруцкій прислалъ многихъ казаковъ въ Ярославль, а теперь спѣшитъ Просовецкій съ ратью, чтобы занять Ярославль и всѣ поморскіе города, и тѣмъ предупредить присое- диненіе ихъ къ Нижегородской силѣ. Получивъ эту вѣсть, Пожарскій немедленно послалъ двоюроднаго брата своего Димитрія Петровича Лопату-Пожарскаго и дьяка Семена Самсонова съ войскомъ, приказавъ имъ спѣ- шить, чтобы придти въ Ярославль прежде Просовецка- го. Князь Дмитрій Петровичъ блистательно выполнилъ порученіе: пришелъ въ Ярославль, онъ велѣлъ перело- вить всѣхъ казаковъ Заруцкаго и бросить ихъ въ тем- ницы, а Просовецкій, узнавъ объ этомъ, воротился съ дороги, и не пошелъ въ Ярославль. Не смотря на это, Пожарскій съ Мининомъ дольше не медлили и, видя, что изъ Казани имъ не дождаться ни ратныхъ людей,

*) При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ тѣло Гермогена перенесе- но оттуда въ 1652 г., въ февралѣ, въ Успенскій соборъ и по- ставлено съ торжественностію поверхъ земли подлѣ шатра ризы Господней.

ни, по крайней мѣрѣ, посланія, въ концѣ марта, вели- кимъ постомъ *), повели изъ Нижняго главную рать. Трогательно было видѣть проводы ополченія: при оглу- шительномъ звонѣ колоколовъ, при звукѣ ратныхъ трубъ, войско, отрядъ за отрядомъ, выступило изъ Нижегород- скаго кремля. Весь городъ былъ на ногахъ: всѣ плака- ли, провожая—кто мужа, кто отца, кто дѣтей на слав- ное дѣло очищенія государства.

«Прощайте, Божіе воины!—Помоги вамъ Господи!— Вы за насъ страдальцы, а мы за васъ богомольцы.»

III.

Дорога изъ Нижняго въ Ярославль служила для опол- ченія самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ всеоб- щаго сочувствія къ великому дѣлу: вездѣ, куда оно приходило, встрѣчали и провожали оное съ братскимъ непритворнымъ восторгомъ и честью, вездѣ давали на подмогу казну, къ нему присоединялись ратные люди, не только Русскіе, даже Татары. На Рѣшмѣ **) получена между прочимъ грамота изъ-подъ Москвы отъ князя Димитрія Тимоѳеевича Трубецкаго—да отъ Ивана Заруц-

*) Въ Нижегородскомъ соборѣ есть икона Іакова епископа, празднуемаго 21-го марта, въ память выступленія въ этотъ день рати Пожарскаго изъ Нижняго (Москвитян.» 1852 г. II) Не зна- емъ, почему именно выступленіе рати отнесено на 21-е число: источники объ этомъ молчатъ.

**) Слобода Суздальскаго уѣзда, при Волгѣ, выше Юрьевца въ 45 вер., ниже Кинешмы въ 15 верстахъ.

каго, которые раскаявались въ своемъ послѣднемъ поступкѣ и выражали участіе къ дѣлу ополченія: «Прельстихомся и цѣловахомъ крестъ изнова, что быти православнымъ христіанамъ во единой мысли, и подъ Москву идти не опасаяся». Грамота прочтена предъ всѣми ратными людьми, и послано въ отвѣтъ подъ Москву отъ имени Пожарскаго съ Мининымъ, что они «никакого развращенія и опасенія не имѣютъ, а идутъ подъ Москву имъ на помощь, на очищеніе Московскаго государства».

Давъ небольшой отдыхъ войску на Кинешмѣ, Пожарскій пошелъ къ Костромѣ. Многіе изъ костромичей встрѣтили ополченіе въ мѣстечкѣ Плесо и сообщили непріятное извѣстіе, что костромской воевода Шереметевъ не хочетъ пускать ополченіе въ свой городъ и не хочетъ быть съ нимъ въ совѣтѣ. Но Пожарскій съ Мининымъ, возложивъ упованіе на Бога, пошли прямо на Кострому и расположились на посадѣ близъ города. Въ Костромѣ въ это время встала рознь, составились двѣ партіи: одна въ пользу воеводы, другая—за ополченіе. Вторая партія одержала верхъ и, сдѣлавъ шумное возстаніе, свела Шереметева съ воеводства и, если бы не Пожарскій, вѣроятно убила бы его. На мѣсто Шереметева Пожарскій, по просьбѣ костромичей, посадилъ въ воеводы князя Ивана Гагарина, да съ нимъ дьяка Иванъ Подлѣсова.

Въ то время пришли къ Пожарскому изъ Суздаля просить, чтобъ онъ послалъ воеводу съ ратными людьми для защиты Суздаля отъ Просовецкаго. Князь Дмитрій Михайловичъ отправилъ по ихъ просьбѣ отрядъ балах-

нинскихъ и нижегородскихъ стрѣльцовъ, подъ начальствомъ брата Лопаты, князя Романа Петровича Пожарскаго. Вслѣдъ за братомъ, двинувшимся въ Суздаль, выступило изъ Костромы ополченіе; костромичи далеко провожали его, а на встрѣчу имъ шли изъ Ярославля.

Въ первыхъ числахъ апрѣля ополченіе было уже въ стѣнахъ Ярославля. Ярославцы приняли его съ великою радостью и честью, и поднесли дары, но ополченіе отказалось принять ихъ. Причину мы сейчасъ увидимъ. Ярославль былъ послѣднимъ пунктомъ, гдѣ нужно было начальникамъ ополченія все обдумать, сообразить, чтобы такимъ образомъ обезпечить успѣхъ предпріятія, и потому они не знали, сколько придется имъ простоять здѣсь. И дѣйствительно, ополченіе остановилось въ Ярославлѣ на долго, и начальники ополченія начали промышлять, какъ имъ идти подъ Московское государство на очищеніе.

Между тѣмъ положеніе дѣлъ становилось все хуже. Вскорѣ по приходѣ въ Ярославль, Пожарскій получилъ отъ Троицкихъ властей грамоту, въ которой Діонисій съ Палицынымъ писали: «присланы къ намъ изъ Москвы отъ Трубецкаго Михаилъ и Никита Пушкинъ, моля о томъ, чтобы писали отъ обители къ стольнику и воеводѣ князю Дим. Мих. Пожарскому о немедленномъ шествіи подъ царствующій градъ, и чтобы все воинство было въ соединеніи; а подъ Москвою всѣмъ воинскимъ людямъ тѣснота и гладъ, и скорбь великая, и ждутъ подъ Москву вскорѣ опять гетмана Ходкевича со многими польскими и литовскими людьми и съ запасами.

Ополченіе съ сердечной болью слушало объ этихъ бѣдствіяхъ своихъ собратьевъ, рвалось имъ на помощь, но какъ идти? Можно ли разсчитывать на вѣрный успѣхъ, если двинуться тотчасъ же подъ Москву, не подумавъ о всѣхъ послѣдствіяхъ? Неудачи прежнихъ ополченій были еще свѣжи въ памяти. Гораздо разумнѣе было не спѣшить, но за то надежнѣе обезпечить себя. И вотъ 7-го апрѣля пошли по городамъ грамоты, такіе же, какія разсылались и изъ Нижняго, т.-е., чтобы присылали въ Ярославль денежную казну ратнымъ людямъ на жалованье и выборныхъ изъ всякихъ чиновъ людей человѣка по два, и съ ними бы совѣтъ свой отписали за своими руками.

Повторялось явленіе, которое опять мы видѣли въ Нижнемъ: начали изъ городовъ пріѣзжать многіе ратные люди, посадскіе люди везли казну денежную. Такимъ образомъ съ этой стороны не оставалось ничего желать болѣе, и хотѣли уже скоро идти подъ Москву, но обстоятельства другаго рода замѣшкали походъ. По окрестностямъ разсылались цѣлыя шайки казаковъ, занявшихъ Угличъ, Пошехонье; Черкасы (т. е. малороссійскіе казаки) засѣли въ Антоніевомъ монастырѣ (Бѣжецкаго уѣзда); Шведы стояли въ Тихвинѣ. Казаки, по обыкновенію, разбойничали, «чинили многія пакости и многихъ дворянъ побили.» Понятно, что было бы очень неосторожно со стороны ополченія двинуться на югъ, къ Москвѣ, оставивъ за собою такихъ опасныхъ враговъ.

Этого мало. Въ интересѣ полнаго успѣха надо было отстранить еще одно препятствіе, еще одну опасность,

которая грозила общему дѣлу со стороны Новгорода. Мы видѣли, что вслѣдъ за смертію Ляпунова Новгородъ отдѣлился отъ Москвы и отдался подъ покровительство Швеціи. Въ немъ и теперь стоялъ Делагарди съ войскомъ. Мало ли какого вреда могли они сдѣлать, какъ скоро ополченіе оставило бы страну? Вслѣдствіе всего этого князь Димитрій и Козьма начали думать со всею ратью и со властьми, и съ посадскими людьми, какъ бы земскому дѣлу было прибыльнѣе.

Результатомъ совѣщанія было такое рѣшеніе: въ Новгородъ положили отправить посольство къ митрополиту Исидору, князю Одоевскому и Делагарди. Митрополита Исидора съ Одоевскимъ просили, чтобы они отписали имъ, какой у нихъ договоръ учиненъ съ Нѣмцами, а къ Делагарди писали, что если король дастъ брата своего на государство, и онъ приметъ православную вѣру, то они ради быть съ Новгородцами въ одномъ совѣтѣ. Что касается казаковъ, то на нихъ рѣшили послать войско.

Степанъ Татищевъ, отправлявшій посольство въ Новгородъ, возвратился оттуда съ грамотами отъ митрополита и отъ Делагарди, а въ грамотахъ пишутъ коротко: «пришлемъ со всѣмъ подлинно отъ всего Новгородскаго государства пословъ.» Татищевъ, съ своей стороны, сообщилъ, что «отнюдь въ Новгородѣ добра нечего ждать».

Отряды, выступившіе противъ казаковъ, съ успѣхомъ кончили данное порученіе. Князь Мамстрюковичъ-Черкасскій посланъ былъ противъ Черкасъ въ Антоніевомъ

монастырѣ, но измѣнникъ Юрій Потемкинъ Смольянинъ, убѣжавъ, далъ знать Черкасамъ, что на нихъ рать идетъ, и тѣ, оставивъ монастырь, бросились къ границѣ. Въ Кашинѣ князь Мамстрюковичъ-Черкасскій соединился съ отрядомъ извѣстнаго уже намъ князя Лопаты Пожарскаго, посланнаго въ Пошехонье и на голову разбившаго тамъ буйствовавшихъ казаковъ: соединенными силами двинулись они противъ казаковъ подъ Угличъ, разбили ихъ и воротились въ Ярославль, встрѣченные съ великой частью начальниками и всею ратью.

Между тѣмъ грамоты продолжали разсылаться: въ началѣ іюня пошли грамоты на украинскіе города, съ увѣщаніемъ отложиться отъ псковскаго вора, Марины и сына ея, которыхъ они держались. Грамоты смѣло могли назвать псковскаго самозванца воромъ, потому что въ Ярославлѣ было уже извѣстно, какая судьба постигла его: 6-го іюня начальники ополченія получили изъ-подъ Москвы повинную грамоту, которая подробно разсказывала дѣло. Что же такое случилось съ самозванцемъ? 11-го апрѣля посланъ былъ въ Псковъ обознавать вора Иванъ Плещеевъ (тотъ самый, по воду котораго присягнулъ псковскому вору подмосковный станъ 2-го марта). Плещеевъ обратился на истинный путь, не захотѣлъ вражды въ родной землѣ, и началъ разглашать всѣмъ, что это истинный воръ; оставалось теперь только взять его, но какъ? 18-го мая положено было у вора съ псковскимъ воеводой, княземъ Хованскимъ бѣжать изъ города: Плещеевъ это узналъ

и убѣдилъ Хованскаго отказаться отъ участія въ дѣлѣ наглаго обманщика. Слѣдствіемъ этого было то, что самозванецъ былъ схваченъ и посаженъ въ палату, а 4 іюля его везли уже скованнаго въ Москву. Приверженцевъ его тоже перехватали и побросали въ тюрьмы.

Но и самъ Ярославль не уберегся отъ смутъ; изъ Казани явился вдругъ Биркинъ съ ратными людьми и съ нимъ татарскій голова Лукьянъ Мясной. Всю дорогу они между собою ссорились. Биркинъ держалъ себя какъ непріятель, многую пакость дѣлалъ по дорогѣ городамъ и уѣздамъ. Вражда между ними разгорѣлась еще сильнѣе, по приходѣ въ Ярославль, такъ какъ оба хотѣли быть главными начальниками. Чуть было не дошло до боя. Бояре, стольники и всѣ ратные люди, кромѣ Смольянъ, отступились отъ Биркина. Обманутый въ своихъ надеждахъ, онъ тѣмъ же путемъ отправился назадъ, безчинствуя по дорогѣ хуже прежняго. Въ Ярославлѣ остались только Лукьянъ Мясной съ 20 челов. мурзъ и князей и съ 30 дворянами, да стрѣлецкій голова Постникъ Нѣловъ съ сотней стрѣльцовъ; они были со всѣмъ ополченіемъ и подъ Москвой до окончательнаго очищенія столицы; но плохая участь ждала ихъ по возвращеніи въ Казань: Лукьяна Мяснаго и Постника Нѣлова Шульгинъ совсѣмъ было въ тюрьмѣ уморилъ, и вообще многія бѣды и напасти притерпѣли всѣ они отъ казанскаго воеводы.

Смуты въ Ярославлѣ не прекратились, и по уходѣ Биркина открылось всеобщее несогласіе между начальниками ополченія и между ополченцами, которые мало

стали повиноваться вождямъ своимъ. Прибѣгнуть не къ кому, кто бы разсудилъ ихъ. И вотъ посовѣтовавшись, послали въ Троицкій монастырь къ бывшему митрополиту ростовскому Кириллу молить его, чтобъ онъ былъ на прежнемъ своемъ престолѣ въ Ростовѣ. Кириллъ не отвергъ ихъ челобитья и пріѣхалъ въ Ярославль. Силою своего вліянія онъ усмирилъ многіе мятежи, такъ что, какъ скоро открывалась новая ссора, говоритъ лѣтопись, начальники тотчасъ доносили ему.

Однако, что же Новгородъ? Гдѣ же до сихъ поръ обѣщанное имъ посольство? Въ іюлѣ, наконецъ, оно дѣйствительно прибыло въ Ярославль въ лицѣ игумена Вяжицкаго монастыря Геннадія, князя Оболенскаго и выборныхъ по человѣку отъ каждой пятины. Съ какимъ же порученіемъ оно пріѣхало? Вѣсти неутѣшительныя. Новгородъ требуетъ, чтобы Московское государство было въ соединеніи съ нимъ, великимъ Новгородомъ, и признало бы государемъ выбраннаго имъ шведскаго королевича Филиппа. Начались по этому поводу переговоры, которые привели къ тому, что Пожарскій не согласился вступить ни въ какія обязательныя отношенія къ Швеціи. Дѣло могло кончиться явнымъ разрывомъ съ Швеціей, что было бы опасно для ополченія, вслѣдствіе чего митрополитъ Кириллъ, начальники и всѣ ратные люди рѣшили отпустить въ Новгородъ съ послами Перфилья Секерина, которому поручено было передать, что „будетъ королевичъ креститься въ православную христіанскую вѣру греческаго закона, то ему всѣ рады“. Это сдѣлано было для того, прибавляетъ лѣтопись, чтобы нѣмецкіе люди (Шведы) не помѣшали идти на очищеніе Московскаго государства, а того у нихъ и въ головѣ не было, чтобы взять на Московскій престолъ иноземца, напротивъ положено было избрать государя изъ русскихъ родовъ.

По отправленіи Секерина въ Новгородъ, ополченіе стало готовиться и само въ путь. Но въ это время случилось происшествіе, которое произвело тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ, въ особенности на главнаго вождя ополченія: сдѣлана была попытка на жизнь Пожарскаго. Мысль этого злодѣянія родилась въ головѣ Заруцкаго, который, видя, что ему никакими средствами не удается помѣшать ополченію, рѣшился разстроить его убійствомъ вождя. Съ этою цѣлью посланы имъ были два казака, Обреско и Стенька, въ Ярославль къ его сообщникамъ, одинъ изъ которыхъ, Стенька Хваловъ, жилъ при домѣ Пожарскаго, получая отъ него одежду и столъ. Долго злодѣи думали, какъ имъ умертвить князя: хотѣли напасть на него на соннаго, или гдѣ нибудь на глухой дорогѣ, но все, вѣроятно, не удавалось. Случай, наконецъ, представился. Пожарскій былъ въ съѣзжей избѣ, откуда пошелъ осматривать нарядъ (пушки), который долженъ былъ идти подъ Москву. Тѣснота была страшная, такъ что князь принужденъ былъ остановиться у дверей, чтобы дать пройдти народу. Казакъ Романъ взялъ его за руку, чтобы помочь ему выдти на свободу, какъ вдругъ въ это время одинъ изъ заговорщиковъ, именно присланный изъ-подъ Москвы казакъ Стенька, кинулся между ними и хотѣлъ ударить По-

жарскаго ножемъ въ животъ, но промахнулся, и ножъ попалъ въ ногу казака Романа. Раненный со стономъ повалился на землю, а Пожарскій, вовсе не подозрѣвая здѣсь злодѣйскаго умысла, а думая просто, что несчастіе случилось по неосторожности въ тѣснотѣ, пошелъ было дальше, но былъ остановленъ крикомъ народа: „тебя хотятъ убить князь"! Началось волненіе: нашли на землѣ ножъ весь въ крови, и самъ убійца не успѣлъ еще скрыться; его схватили и всѣмъ народомъ повели на пытку, гдѣ онъ во всемъ сознался и выдалъ всѣхъ своихъ сообщниковъ, которыхъ тоже перехватали и разослали по городамъ въ темницы, только нѣкоторыхъ оставили, чтобы взять ихъ съ собой подъ Москву на обличенье.

Но вотъ изъ-подъ Москвы новое посольство. Трубецкой съ Заруцкимъ просятъ ополченіе спѣшить имъ на помощь, такъ какъ отъ Москвы не далеко уже гетманъ Ходкѣвичъ съ войскомъ и запасами для осажденныхъ въ кремлѣ. И такъ медлить больше нельзя! Раздавши принесшимъ это извѣстіе денежное жалованье, Пожарскій съ Мининымъ отпустили ихъ съ успокоительнымъ отвѣтомъ, и сами начали на скоро подыматься въ походъ. Но предварительно отправленъ былъ передовой отрядъ, подъ начальствомъ воеводы Дмитріева, съ приказаніемъ идти на спѣхъ и, пришедши подъ Москву поставить острожекъ у Петровскихъ воротъ, а къ казакамъ въ таборы не ходить. Вслѣдъ за отрядомъ Дмитріева двинулся по тому же направленію братъ Пожар-

скаго, князь Д. П. Лопата Пожарскій, съ приказаніемъ стать у Тверскихъ воротъ.

Была и другая причина спѣшить походомъ къ Москвѣ: надобно было спасать дворянъ и дѣтей боярскихъ, находившихся подъ Москвою, отъ буйства казаковъ. Доведенные до крайности, они выбрали изъ среды себя нѣсколько человѣкъ, между прочимъ, Кондырева и Бѣгичева и отправили ихъ въ Ярославль съ просьбой, чтобъ ополченіе шло скорѣе къ Москвѣ и избавило ихъ отъ оскорбленій и притѣсненій со стороны казаковъ. Пришедъ въ Ярославль, послы были поражены тѣмъ всеобщимъ довольствомъ и согласіемъ, которое увидали они между ратными людьми; вспомнивъ при этомъ про свою ужасную участь, которую имъ приходилось терпѣть подъ Москвой, они горько заплакали, такъ что отъ слезъ не могли слово промолвить. Когда же ихъ привели къ Пожарскому и прочимъ начальникамъ ополченія, тѣ ихъ совершенно не могли узнать, несмотря на то, что знали всѣхъ лично: въ такомъ бѣдномъ, жалкомъ видѣ они были! А разсказъ ихъ о томъ, какъ и почему они дошли до такого положенія, вызвалъ у самихъ слушателей слезы. Одаривъ сукнами и деньгами, пословъ отпустили обратно съ утѣшительнымъ обѣщаніемъ, что скоро и сами будутъ подъ Москвой. Съ неописанной радостью принята была дворянами и дѣтьми боярскими вѣсть объ успѣхѣ своего посольства; но другими глазами взглянулъ на это Заруцкій, когда узналъ о возвращеніи пословъ: въ ярости онъ хотѣлъ всѣхъ ихъ перебить, такъ что они едва могли спастись, кто въ полкъ къ воеводѣ

Дмитріеву, который въ это время стоялъ уже въ назначенномъ ему мѣстѣ у Петровскихъ воротъ, кто-куда; пришедшіе изъ украинскихъ городовъ побѣжали обратно домой.

Наконецъ и главное ополченіе окончило свои приготовленія къ походу. Отслуживъ напутственный молебенъ въ Спасскомъ соборѣ и у ярославскихъ чудотворцевъ, *) и взявъ благословеніе у митрополита Кирилла и у всего духовенства, ополченіе выступило изъ Ярославля, простоявъ тамъ почти полгода.

IV.

Отошедъ отъ города 7 верстъ, ополченіе ночевало. На другой день, поручивъ начальство надъ ополченіемъ князю Хованскому съ Мининымъ, Пожарскій съ небольшимъ числомъ людей отправился въ Суздаль „помолиться ко Всемилостивому Спасу и чудотворцу Евфимію и у родительскихъ гробовъ проститься.“ Съ войскомъ онъ долженъ былъ соединиться въ Ростовѣ. Здѣсь ополченіе ненадолго остановилось, потому что Пожарскому предстояло сдѣлать нѣкоторыя очень важныя распоряженія. Ратные люди продолжали прибывать, и Пожарскій отрядилъ воеводу Образцева въ Бѣлозерскъ, для защиты Новгорода отъ нападенія нѣмецкихъ людей. Нужно было

*) Князя Θеодора Растиславича Чернаго и сыновей его Давида и Константина.

ло сдѣлать и еще важное распоряженіе: митрополитъ Кириллъ, который, какъ мы видѣли, былъ примирителемъ ссоръ между воеводами и ополченцами, оставался въ своей эпархіи; нужно было и подъ Москвою имѣть такое же лицо, тѣмъ болѣе, что предвидѣлись распри еще бóльшія, вслѣдствіе сосѣдства Трубецкаго и Заруцкаго. И вотъ 29 іюля Пожарскій отъ имени всѣхъ чиновъ людей написалъ къ казанскому митрополиту Ефрему грамоту, въ которой, извѣщая о мученической кончинѣ патріарха Гермогена, просилъ, чтобъ онъ посвятилъ избраннаго по общему приговору савинскаго игумена Исаію митрополитомъ на Крутицы, и отпустилъ его подъ Москву въ полки къ нимъ поскорѣе, да и ризницу бы далъ ему полную, потому что церковь Крутицкая въ крайнемъ оскудѣніи и раззореніи.

Между тѣмъ, передовые отряды Дмитріева и Лопаты-Пожарскаго пришли подъ Москву и стали на своихъ мѣстахъ. Заруцкій и здѣсь не оставилъ своихъ враждебныхъ, разбойничьихъ замысловъ: онъ напалъ съ своими казаками на отрядъ Лопаты, но послѣ продолжительнаго и упорнаго боя долженъ былъ отступить, потерпѣвъ пораженіе. Но вотъ подъ Москвой сдѣлалось извѣстнымъ, что и Пожарскій выступилъ въ походъ. Извѣстіе это произвело сильное впечатлѣніе на защитниковъ столицы. Заруцкій, узнавъ объ этомъ, почти съ половиной своихъ казаковъ бросился къ Коломнѣ, гдѣ была Марина, разграбилъ ее и, взявъ съ собой Марину „съ воренкомъ ея сыномъ“, кинулся въ рязанскія области, означая путь свой грабежемъ и разореніемъ. Другая

часть казаковъ, оставшаяся съ Трубецкимъ подъ Москвой, поспѣшила отправить отъ всего войска атамана Кручину Волкова съ товарищами къ князю Пожарскому, прося его идти немедленно подъ Москву. Но въ самомъ дѣлѣ цѣль тутъ была другая: Волкову дано было тайное порученіе развѣдать, нѣтъ ли какого „умышленія“ надъ ними, не ждетъ ли ихъ достойное наказаніе за ихъ безчинства. Но Волковъ, возвратившись, разсѣялъ всѣ ихъ сомнѣнія, такъ какъ Пожарскій съ Мининымъ приняли его ласково и одарили деньгами и сукномъ.

Отпустивъ казацкихъ пословъ, Пожарскій и самъ поднялся изъ Ростова. *) 14-го августа, ополченіе было уже у Троицы и, встрѣченное съ радостію иноками и воеводами, расположилось между монастыремъ и Клементьевскою слободою. Итакъ, ополченію оставалось теперь сдѣлать одинъ послѣдній шагъ, и нельзя было не призадуматься объ этомъ шагѣ. Въ самомъ дѣлѣ, неиз-

*) Въ Ростовѣ Пожарскій получилъ предсказаніе о счастливомъ окончаніи похода. Въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, въ Ростовѣ, жилъ въ это время затворникъ Иринархъ. Онъ одаренъ былъ даромъ пророчества: такъ онъ предсказалъ Василью Шуйскому бѣдствія Россіи и нашествіе Ляховъ. Князь Пожарскій съ Мининымъ, пришедъ въ Ростовъ, также посѣтили Иринарха, который писалъ еще имъ въ Ярославль, умаляя идти скорѣе на очищеніе Москвы. Иринархъ благословилъ ихъ крестомъ своимъ и предсказалъ полный успѣхъ. По совершеніи подвига, Пожарскій возвратилъ крестъ Иринарху и грамотою своею освободилъ монастырь его отъ доставленія припасовъ для войска, собираемыхъ по случаю войны. (Чтенія въ Моск. Истор. Общ. 1847 г. № 2-й)

вѣстность настоящаго положенія Москвы, неизвѣстность непріятельской силы, а главное, недовѣрчивость къ казакамъ,—все это пришло въ голову начальникамъ ополченія. Самъ Пожарскій былъ не свободенъ отъ подозрѣній на счетъ казаковъ, которые во все время вели себя такъ враждебно къ ополченію, и посягали даже на его жизнь. И потому онъ хотѣлъ выступить отъ Троицы не прежде, какъ предварительно „укрѣпившись“ съ казаками, чтобы не было у нихъ никакой розни съ ополченіемъ, чтобы другъ на друга никакого зла не умышляли. Ополченіе, съ своей стороны, раздѣлилось также на двѣ партіи: одни настаивали, чтобы немедленно идти къ Москвѣ, другіе, болѣе хладнокровные, были совсѣмъ противнаго мнѣнія и увѣряли, что казаки манять ихъ воеводу къ Москвѣ, чтобы тамъ погубить его, также какъ погубили Ляпунова.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда троицкія духовныя власти получили отъ Трубецкаго извѣстіе, что къ Москвѣ быстро приближается гетманъ Ходкѣвичъ, а казаки отъ великой скудости хотятъ идти прочь. Тутъ было уже не до укрѣпленья, не до уговора съ казаками. Наскоро отправивъ подъ Москву передовой отрядъ, подъ начальствомъ князя Туренина, самъ Пожарскій съ остальною ратью пошелъ въ монастырь, чтобы поклониться мощамъ чудотворцевъ Сергія и Никона, выслушать напутственный молебенъ и взять благословеніе у архимандрита съ братіей. Прямо изъ монастыря ополченіе, глубоко растроганное, со слезами на глазахъ потянулось по московской дорогѣ. Архимандритъ Діонисій,

крестнымъ ходомъ вышедшій провожать ополченіе, опередилъ его и сталъ на горѣ Волкушѣ, кропя святою водой и благословляя каждую сотню проходящую мимо. И безъ того воины были въ неспокойномъ, тревожномъ состояніи духа, идя на такое великое дѣло, но вдругъ сильный вѣтеръ подулъ отъ Москвы прямо имъ на встрѣчу. Не быть добру! Дурное предзнаменованіе! И ополченіе окончательно упало духомъ. Наконецъ, послѣдняя сотня прошла мимо Діонисія, и онъ сталъ благословлять ихъ въ слѣдъ и кропить святой водой; въ эту минуту, вѣтеръ внезапно перемѣнилъ свое направленіе и подулъ имъ въ тылъ, съ такою силою, что едва могли на лошадяхъ держаться. Отлегло отъ души, всѣ лица просіяли, и ополченіе продолжало уже свой путь съ радостной готовностью „померетъ за домъ Пречистыя Богородицы и за православную христіанскую вѣру."

Смеркалось, когда ополченіе подходило къ Москвѣ. Пославъ напередъ отряды выбрать въ городѣ мѣсто, гдѣ стать ополченію, Пожарскій раскинулъ станъ на Яузѣ, въ 5 верст. отъ Москвы. Сюда нѣсколько разъ являлись посланные отъ Трубецкаго, приглашая Пожарскаго стать вмѣстѣ съ ними въ таборахъ; но ополченіе и слышать объ этомъ не хотѣло: „отнюдь тому не быть, чтобы намъ стать вмѣстѣ съ казаками". Наконецъ, возвратился и отрядъ, посланный для развѣдыванія мѣста, выбравъ его у Арбатскихъ воротъ; но наступила уже ночь, и Пожарскій остался ночевать на Яузѣ. На другой день утромъ ополченіе снялось съ ночлега и пошло къ Москвѣ. На дорогѣ самъ Трубецкой съ казаками вышелъ

навстрѣчу ополченію и звалъ его опять къ себѣ въ станъ, но ему отвѣчали тѣмъ же отказомъ. Это взбѣсило князя и казаковъ, и они „начали, говоритъ лѣтопись, на Пожарскаго, на Кузьму и на ратныхъ людей нелюбовь держати, что къ нимъ въ таборы не пошли". А ополченіе между тѣмъ расположилось у Арбатскихъ воротъ и занялось укрѣпленіемъ мѣста.

V.

Побѣда! Сердцу сладкій часъ!
Россія, встань и возвышайся!
(*Пушкинъ*).

21-го августа Пожарскому дано было знать, что Ходкѣвичъ снялся съ Вязьмы и уже близко отъ Москвы. Дѣйствительно, въ этотъ же вечеръ Поляки стояли на Поклонной горѣ. Чтобы преградить гетману путь къ Кремлю, русское войско расположилось такъ: Пожарскій сталъ на лѣвомъ берегу Москвы рѣки, у Новодѣвичьяго монастыря, а Трубецкой—на правомъ, у Крымскаго двора. Трубецкой прислалъ къ Пожарскому сказать, что для успѣшнаго нападенія на гетмана со стороны ему необходимо нѣсколько конныхъ сотенъ; Пожарскій выбралъ пять лучшихъ сотенъ и отправилъ ихъ на тотъ берегъ.

22-го августа Ходкѣвичъ перешелъ Москву-рѣку подъ Новодѣвичьимъ монастыремъ, гдѣ встрѣченъ былъ Пожарскимъ. Завязался бой, продолжавшійся съ перваго часа

по всходѣ солнечномъ и до осьмаго. Напоръ непріятеля былъ неотразимъ; Пожарскій не могъ выдержать его и отступилъ къ Чертольскимъ *) воротамъ. Видя, что русская конница не въ состояніи устоять противъ польской, Пожарскій велѣлъ своему войску сойдти съ коней и биться пѣшими; но и это мало помогло дѣлу—перевѣсъ все-таки оставался на сторонѣ Поляковъ. Напрасно Пожарскій ждалъ помощи съ другаго берега, Трубецкой и казаки видѣли все происходящее, но не подумали и съ мѣста тронуться; этого мало, казаки даже ругались надъ дворянами и кричали: „богаты пришли изъ Ярославля и сами одни отстоятся отъ гетмана". Но вдругъ отъ войска Трубецкаго отдѣляются нѣсколько отрядовъ и быстро несутся по направленію къ сражающимся. Читатель, думаю, догадался, что это тѣ сотни, которыя были отдѣлены отъ ополченія, по просьбѣ Трубецкаго. Видя, что казаки такъ хладнокровно и даже какъ будто съ удовольствіемъ смотрятъ на торжество непріятеля, головы этихъ сотенъ, не обращая вниманія на защищеніе Трубецкаго, не вытерпѣли и рванулись на помощь своимъ. Примѣръ увлекъ ихъ и нѣкоторыхъ казаковъ: „въ вашей нелюбви Московскому государству и ратнымъ людямъ пагуба становится",—закричали нѣкоторые изъ казацкихъ атамановъ Трубецкому и понеслись вслѣдъ за сотнями. Появленіе свѣжихъ силъ рѣшило дѣло. Гетманъ былъ отбитъ, и отступилъ опять къ Поклонной горѣ, оставивъ на мѣстѣ много убитыхъ,

*) Т.-е. къ Пречистенскимъ.

которыхъ на другой день велѣно было нашимъ воинамъ похоронить. Съ другой стороны, кремлевскіе Поляки сдѣлали вылазку для очистки Водяныхъ воротъ, но были побиты и потеряли свои знамена. Впрочемъ, въ ночь, какой-то измѣнникъ изъ русскихъ, Григорій Орловъ, подъ защитою отряда въ 600 человѣкъ, хотѣлъ провезти осажденнымъ припасы, но во время подоспѣвшіе русскіе не допустили этого и овладѣли возами.

23-го числа никакого серьезнаго дѣла не было. Въ этотъ день осажденные сдѣлали опять вылазку изъ Китая города, и на этотъ разъ удачно: овладѣли острогомъ у церкви Георгія въ Яндовѣ и поставили на колокольнѣ свое знамя. Что касается до Ходкѣвича, этотъ день онъ употребилъ на передвижку всего своего войска къ Донскому монастырю, съ цѣлью пробиться къ Кремлю по Замоскворѣчью, чрезъ нынѣшнія Ордынскую и Пятницкую улицы.

На разсвѣтѣ 24-го августа, въ понедѣльникъ (на память Петра митрополита), гетманъ двинулъ свое войско къ Кремлю, но Русскіе, конечно, позаботились о томъ, чтобы не допустить его до соединенія съ осажденными Поляками. Съ этою цѣлью Трубецкой расположился съ своимъ войскомъ въ Лужникахъ, къ нему переправился и Пожарскій, обозъ котораго стоялъ у Ильи Обыденнаго; острожекъ у церкви Св. Климента (на Пятницкой) былъ занятъ казацкимъ отрядомъ Трубецкаго. Словомъ, Ходкѣвичу предстоялъ не легкій путь, который приходилось ему очистить съ кровопролитнаго боя. Дѣйствительно, открывшійся бой продолжался до 6-го часа по

восхожденіи солнца, безъ перевѣса на той или другой сторонѣ. Наконецъ Ходкѣвичъ, выбравъ самыхъ лучшихъ людей изъ войска, съ такою силой напалъ на Русскихъ, что совершенно смялъ Русскіе полки и едва самого Пожарскаго не втопталъ въ рѣку.

Казаки Трубецкаго разошлись послѣ этого по таборамъ, покинувъ даже Клементьевскій острожекъ, который тотчасъ же былъ занятъ Поляками, вышедшими изъ Китая города. И вотъ на колокольнѣ Св. Климента развѣваются уже польскія знамена и гетманскіе обозы съ запасами въѣзжаютъ въ укрѣпленіе. Но въ эту минуту бѣгущіе казаки обернулись, злость ихъ взяла, при видѣ басурманскихъ знаменъ на православной церкви, съ остервенѣніемъ бросились они опять къ острожку и выбыли оттуда непріятеля, который ударился въ бѣгство, преслѣдуемый казаками. Но это увлеченіе быстро смѣнилось у нихъ другимъ чувствомъ: видя, что они одни бьются съ Поляками, а дворяне имъ не помогаютъ казаки оставили опять острожекъ и опять начали ругаться надъ дворянами; „они богаты и ничего не хотятъ дѣлать“ кричали они, „мы наги и голодны, и одни бьемся, такъ не выйдемъ же теперь на бой никогда“. Поляки, видя происходящее въ Русскомъ войскѣ, поспѣшили воспользоваться минутой раздора и поставили обозъ свой у церкви Великомуч. Екатерины (на Ордынкѣ), ровъ наполнили пѣшими людьми, за рвомъ раскинули свой станъ и ввезли въ него запасы.

Дѣло такимъ образомъ принимало дурной оборотъ. Надо какъ-нибудь помогать бѣдѣ. Пожарскій съ Мининымъ

были въ недоумѣніи, но во всякомъ случаѣ видя, что съ однимъ ополченіемъ нельзя расчитывать на успѣхъ, рѣшились идти на мировую съ казаками. Пригласивъ троицкаго келара Авраамія, который въ это время пѣлъ молебны у Ильи Обыденнаго, они убѣдили его отправиться съ нѣкоторыми дворянами къ казакамъ и упросить ихъ, чтобы они шли противъ враговъ и запасы ихъ не пропускали къ осажденнымъ. Келарь прошелъ прямо къ Клементьевскому острожку, гдѣ увидилъ валяющіеся трупы убитыхъ Поляковъ и казаковъ, стоящихъ съ оружіемъ. „Отъ васъ началось доброе дѣло“, такъ обратился Авраамій къ казакамъ, „вы стали крѣпко за истинную, православную, христіанскую вѣру, приняли много ранъ, терпѣли голодъ и холодъ, и прославились во многихъ отдаленныхъ государствахъ своею храбростію и мужествомъ: неужели хотите вы, братья, всѣ эти добрыя начинанія теперь однимъ разомъ погубить?“

Рѣчь эта, сверхъ ожиданія, имѣла успѣхъ. Казаки согласились идти на непріятеля, обѣщали даже, не побѣдивъ враговъ, не возвращаться, только просили, въ свою очередь, келаря, чтобы онъ пошелъ къ прочимъ ихъ собратьямъ и тѣхъ уговорилъ бы поспѣшить къ нимъ на помощь. Авраамій отправился. На берегу Москвы-рѣки, противъ церкви Никиты мученика, стояла цѣлая толпа казаковъ, которая направляясь въ таборы, остановилась въ ожиданіи, пока товарищи ихъ переправлялись черезъ рѣку. Подойдя къ нимъ, Авраамій такъ умилилъ ихъ своими словами, что вся толпа разомъ, какъ будто по

таинственному побужденію, ринулась назадъ, понуждая и поощряя другъ друга. Видя такое внезапное бѣгство и не умѣя объяснить себѣ его, прочіе казаки, стоявшіе уже на другомъ берегу рѣки, послѣдовали примѣру своихъ товарищей и кинулись за ними, кто въ бродъ, а кто по лавамъ. Ободренный такимъ счастливымъ оборотомъ дѣла, келарь рѣшился перебраться въ самый станъ казацкій. Не утѣшительное зрѣлище представилось ему здѣсь: полунагіе казаки убивали свободное время попойкой и игрою въ зернь. Однако и здѣсь увѣщанія троицкаго старца не пропали даромъ: велѣвъ звонить въ колокола, казаки съ оружіемъ повыскакали изъ становъ и скоро догнали своихъ товарищей. И вотъ наконецъ вся эта толпа оборванцевъ, съ кликами: „Сергіевъ, Сергіевъ“! ударила на непріятеля. Минута была счастливая, оба ополченія Трубецкаго и Пожарскаго не преминули ею воспользоваться, и соединившись съ казаками выбили Поляковъ опять изъ Клементьевскаго острожка, и вообще нанесли тяжелое пораженіе непріятелю, такъ что, по словамъ лѣтописца, однихъ Венгровъ было убито до 700 челов. Послѣ этого Русскіе засѣли въ острогѣ, а пѣхота залегла по ямамъ и въ крапивѣ, чтобы не пропустить гетмана въ городъ.

Стало темнѣть, а рѣшительнаго ничего еще не было. По всѣмъ Русскимъ полкамъ пѣли молебны, чтобы избавилъ Богъ отъ погибели Московское государство, и дали обѣщаніе всею ратью поставить три храма во имя: Срѣтенія, Іоанна Богослова и Петра митрополита. Но нанести окончательный ударъ непріятелю суждено было тому же, „отъ него же первѣе таковое собраніе очищенія ради начася“. Вдругъ къ князю Пожарскому является Козьма Захарьичъ и проситъ у него людей. „Возьми, сколько хочешь“. отвѣчаетъ князь.召 Мининъ выбралъ себѣ три сотни дворянскія, да ротмистра Хмѣлевскаго и, переправясь черезъ Москву рѣку, такъ неожиданно, съ такою силой ударилъ съ ними на двѣ литовскія роты, поставленныя гетманомъ у Крымскаго двора, что тѣ, не дожидаясь нападенія, кинулись къ стану Ходкѣвича, давя до дорогѣ другъ друга. Пѣшіе же русскіе люди, засѣвшіе по ямамъ и другимъ тайнымъ мѣстамъ, увидѣвъ бѣгство непріятеля, оставили свою засаду и, соединившись съ отрядомъ Минина, преслѣдовали бѣгущихъ Поляковъ до самаго стана гетманскаго. Здѣсь произошла отчаянная стычка. Непріятель не могъ впрочемъ выдержать дружнаго натиска: оставивъ на мѣстѣ до 500 человѣкъ, Ходкѣвичъ долженъ былъ выдти изъ Екатерининскаго стана и отступилъ опять къ Донской. Разгоряченные ратники Русскіе хотѣли преслѣдовать непріятеля, но начальники не пустили ихъ, сказавъ:“ не бываетъ на одинъ день двѣ радости“. Цѣлые два часа послѣ этого продолжалась, по приказанію начальниковъ, стрѣльба въ русскомъ войскѣ, такъ что не слышно было, замѣчаетъ лѣтописецъ, кто что говоритъ, а небо было въ заревѣ какъ отъ сильнаго пожара. Пальба эта продержала непріятеля всю ночь на коняхъ, а на разсвѣтѣ слѣдующаго дня, т. е. 25-го августа, онъ оставилъ Москву.

VI.

Итакъ, половина дѣла сдѣлана: общими усиліями обоихъ ополченій гетманъ отраженъ, и сидѣвшіе въ Кремлѣ и Китаѣ Поляки остались совершенно въ безнадежномъ положеніи. Оставалось теперь стѣснить ихъ окончательно, но въ Русскомъ войскѣ пошла опять рознь. Прежде всего вожди начали быть межъ собою въ несовѣтѣ. Что же за причина? Дѣло просто: князю Трубецкому хотѣлось, чтобы Пожарскій съ Мининымъ ѣздили для совѣщаній къ нему въ таборы, а тѣ не согласились „не чести ради, объясняетъ лѣтописецъ, но для ради казачьяго убойства".

Скоро вражда приняла болѣе широкіе размѣры. 5-го сент. пріѣхали подъ Москву Иванъ и Василій Шереметевы и стали въ полкахъ Трубецкаго. И вотъ Иванъ Шереметевъ съ знакомымъ уже намъ Ив. Плещеевымъ, да съ другими такими же, какъ они сами, начинаютъ научать казаковъ на всякое зло: чтобы произвести раздѣленіе и ссору, они начали наговаривать атамановъ казацкихъ на то, чтобы они убили Пожарскаго, также какъ Ляпунова, и, переграбивъ всѣхъ ратныхъ людей, шли грабить и разорять города православные.

Предложеніе для казаковъ было заманчивое: мы видѣли, какъ они вели себя прежде этого. И вотъ начинается бунтъ. Казаки кричатъ, что они голодны и холодны, не могутъ дольше стоять подъ Москвою, пусть

стоятъ подъ ней богатые дворяне, и грозятъ разойдтись изъ-подъ Москвы. Что дѣлать? Казаки могутъ привести въ исполненіе свою угрозу, могутъ уйти изъ-подъ Москвы и овладѣть сѣверными городами, что было бы опаснѣе всего для успѣха дѣла. А какъ помочь бѣдѣ? Гдѣ взять денегъ, чтобы удовлетворить требованію вольницы? Троицкій монастырь и на этотъ разъ выручилъ изъ бѣды: какъ скоро получена была тамъ вѣсть о намѣреніи казаковъ, архимандритъ съ соборными старцами, составили совѣтъ, что дѣлать. Денегъ послать они не могли, въ деньгахъ и въ монастырѣ была великая скудость, и вотъ они рѣшились пожертвовать священными вещами для блага отечества и отправили казакамъ подъ закладъ въ 1000 руб. церковныя сокровища: ризы, стихари, епитрахили съ грамотой, въ которой умоляли казаковъ не покидать святаго дѣла. Грамота была прочитана предъ всѣмъ войскомъ казацкимъ: какъ ни были буйны и дерзки казаки, однако совѣсть не позволила имъ воспользоваться жертвой Троицкой Лавры; они немедленно отправили съ двумя атаманами присланныя вещи обратно въ монастырь и въ отвѣтной грамотѣ архимандриту съ братіей писали, что они исполнятъ все по ихъ прошенію, если даже придется имъ гораздо худшія бѣдствія вытерпѣть, а, не очистивъ Москвы и не отомстивъ врагамъ за кровь христіанскую, они не уйдутъ.

И такъ, со стороны казаковъ опасность устранена, надо теперь ладить какъ-нибудь дѣло между воеводами. Но какъ? Не затрогивая ничьего самолюбія, порѣ-

шили устроить дѣло полюбовно и приговорили всею ратью разряды и всякія приказы перенести на Неглинную, на Трубу, куда и должны были съѣзжаться начальники обоихъ ополченій, „чтобы промышлять земскимъ дѣломъ за одно".

Вслѣдъ за этимъ, дѣйствительно, начался промыслъ надъ „московскими сидѣльцами": у пушечнаго двора, въ Егорьевскомъ монастырѣ и у Всѣхъ Святыхъ (на Кулишкахъ) поставлены были туры, изъ-за которыхъ производима была по городу безпрестанная пальба, производившая тамъ, по словамъ выходцевъ изъ города, значительный уронъ въ людяхъ.

Такимъ образомъ подъ Москвой дѣла были улажены; но въ это время получены были дурныя вѣсти съ сѣвера. Черкасы (малоросс. казаки), узнавъ что ратные люди ушли всѣ изъ Ярославля подъ Москву, отдѣлились отъ Ходкѣвича и направили путь къ Вологдѣ. Вслѣдствіе „небреженья воеводскаго" *) городъ былъ взятъ и, послѣ ужасныхъ сценъ насилія и святотатства, выжженъ и разграбленъ. Архіепископъ вологдскій, Сильверстъ, взятъ въ плѣнъ.

Съ другой стороны доходятъ въ Москву вѣсти, что

*) «Когда пришли къ Вологдѣ, отъ города отъѣзжихъ карауловъ, сторожей на башняхъ, на острогѣ и городской стѣнѣ, головы и сотниковъ съ стрѣльцами, у наряда пушкарей и затинщиковъ не было; были у воротъ на караулѣ немногіе люди, и тѣ не слыхали, какъ литовскіе люди въ городъ вошли, и большія ворота были не замкнуты».

Ходкѣвичъ собирается „изгономъ" (врасплохъ) прислать запасы осажденнымъ Полякамъ. Надо подумать о томъ, какъ бы гетмана не допустить до этого. И вотъ велѣно всей рати плести плетень по берегу Москвы-рѣки и насыпать землю, потомъ копать на замоскварѣцкомъ полуостровѣ большой ровъ отъ одного берега до другаго, при чемъ сами воеводы присутствовали денно и нощно попеременно.

Но заглянемъ теперь въ Кремль и Китай и посмотримъ, въ какомъ положеніи находятся тамъ осажденные Поляки. Положеніе не веселое: давно уже не было никакой возможности получать имъ припасы, вслѣдствіе чего въ описываемую минуту у нихъ свирѣпствовалъ страшный голодъ, такъ что, по свидѣтельству Палицына, отъ голода они ѣли всякую гадость: собакъ, кошекъ, мышей, выкапывали изъ земли мертвыя тѣла, и, наконецъ, стали убивать другъ друга для удовлетворенія убійственнаго голода. Но надежда на скорую и вѣрную помощь со стороны короля или гетмана ихъ не оставляла, потому что они и слышать не хотѣли о мирныхъ предложеніяхъ князя Пожарскаго, который, посылая имъ грамоту, чтобы они сдались, писалъ: „сберегите головы ваши и животы ваши въ цѣлости, я возьму на свою душу и у всѣхъ ратныхъ людей упрошу: которые изъ васъ захотятъ въ свою землю, тѣхъ отпустимъ безо всякой зацѣпки, а которые захотятъ Московскому государству служить, тѣхъ пожалуемъ по достоинству". Отвѣтомъ на эту грамоту былъ гордый и грубый отказъ. Чтоже

дѣлать. Дѣлать оставалось одно, то что сдѣлали наши воеводы, рѣшившіе, что надо брать городъ приступомъ.

2-го октября (на память Аверкія Іерапольскаго) войска наши пошли на приступъ, и Китай-городъ былъ взятъ. Китайскій гарнизонъ изъ Поляковъ и Русскихъ измѣнниковъ, отступилъ въ Кремль, чѣмъ еще больше увеличилъ свирѣпствовавшій тамъ голодъ. Чтобы уменьшить число потребителей, Поляки велѣли боярамъ и другимъ людямъ, бывшимъ у нихъ въ плѣну, выпускать изъ города женъ. Бояре, опасаясь за участь своихъ женъ, послали къ Пожарскому и всей рати просить, „чтобы пожаловали ихъ приняли безъ позора". Со стороны Пожарскаго отвѣтъ былъ самый утѣшительный: дѣйствительно, онъ самъ выѣхалъ на встрѣчу выходившимъ изъ Кремля боярынямъ и размѣстилъ ихъ по своимъ пріятелямъ, съ приказаніемъ обращаться съ ними честно. Но казаки и здѣсь не могли устоять противъ искушенія пограбить боярынь и грозили убить Пожарскаго, когда онъ не допустилъ ихъ до этого.

Наконецъ положеніе осажденнымъ сдѣлалось невыносимо, тѣмъ болѣе, что между ними открылась эпидемія. Отчаявшись въ какой бы то ни было помощи, доведенные голодомъ до крайности, они увидѣли наконецъ, что единственное спасеніе ихъ—это сдача Кремля. Объ условіяхъ, конечно, не могло быть и рѣчи; впрочемъ, сознавая это, поляки просили объ одномъ только, чтобы ихъ принялъ къ себѣ въ ополченіе князь Пожарскій, а къ Трубецкому ни за что не хотѣли идти. Предварительно выпущены были изъ Кремля Русскія бояре, находившіеся въ плѣну у непріятеля (между ними Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, который поспѣшилъ уѣхать въ Костромскій Ипатьевскій монастырь, но не на долго, какъ увидимъ). Впрочемъ, при выходѣ радостныхъ бояръ изъ Кремля, когда они были на каменномъ мосту, казаки хотѣли повторить опять ту же сцену, которую не пришлось имъ розыграть при возвращеніи изъ Кремля боярынь, т. е. броситься на бояръ и пограбить; съ этой цѣлью они выступили въ полномъ вооруженіи и съ распущенными знаменами; но и теперь, какъ тогда, ополченіе Пожарскаго не допустило ихъ до разбоя и заставило возвратиться въ таборы. Бояре же честно были приняты Пожарскимъ и провожены въ полки. На другой день вышли и Поляки изъ Кремля, *) но Пожарскому нельзя было исполнить ихъ просьбу, чтобы не раздѣлить ополченій окончательною враждой, и потому часть ихъ, именно полкъ храбраго полковника Струся, долженъ былъ идти въ ополченіе Трубецкаго, на долю Пожарскаго достался Будзило съ своимъ полкомъ. Предчуствіе Поляковъ не обмануло ихъ, когда они просились къ Пожарскому: лѣтопись замѣчаетъ, что казаки Трубецкаго отмстили за неудачу на каменномъ мос-

*) На земляковъ нашихъ, говорятъ польскіе историки, высидѣвшихъ 18 мѣсяцевъ въ осадѣ, страшно было глядѣть: голодъ и нужда обезобразили ихъ, и многіе были такъ слабы, что едва переступали, держась за полы одежды своихъ товарищей.» (Берха, царств. Михаил. Ѳеод. стр. 83).

ту на доставшихся имъ Полякахъ, тогда какъ полкъ Будзилы не видалъ отъ ратниковъ Пожарскаго никакого оскорбленія.

Итакъ Москва очищена, свободна! Завѣтная дума Козьмы Захарьича и всѣхъ, для кого было дорого отечество, осуществилась! Можемъ ли представить себѣ великую радость нашихъ предковъ?

26-го октября положено было вступить въ Кремль. Вся Москва поднялась на ноги. Торжество было полное. И вотъ, по двумъ противоположнымъ направленіямъ, ополченіе Пожарскаго отъ Іоанна Милостиваго на Арбатѣ, а ополченіе Трубецкаго отъ Казанской, за Покровскими воротами, оба съ крестами и иконами, потянулись къ лобному мѣсту. На встрѣчу имъ изъ Кремля вышелъ Галасунскій (Архангельскій) Архіепископъ Арсеній со всѣмъ освященнымъ соборомъ, неся чудотворную икону Владимірской Божіей Матери. При видѣ особенно любимой и уважаемой иконы, которую не надѣялись и видѣть больше, всѣ отъ радости плакали. Послѣ благодарственнаго молебна на лобномъ мѣстѣ, отслуженнаго Діонисіемъ, Троицкимъ Архимандритомъ, пошли въ Кремль. Но здѣсь радость быстро смѣнилась противоположнымъ чувствомъ: Кремль являлъ собою страшную картину святотатственнаго поруганія. Впрочемъ дадимъ лучше говорить очевидцу, знакомому уже намъ келарю Палицыну: „И бѣ во истину плача и умиленія достойно видѣніи, пишетъ онъ, и что бо безумія сего безумнѣйши, еже сотвориша окаяннiи оніи лютори съ треклятыми и богомерзкими отступниками и прелагатаи съ русскими

измѣнники: видяху бо святыя Божіи церкви осквернены и обруганы, и скверныхъ мотылъ наполнены, святые же и поклоняемые образы Владыки Христа и Пречистыя Его Богоматере и всѣхъ святыхъ разсѣчены, и очеса изверстаеми, и престоли Божіи ободраны и осквернены, и всяку святыню до конца разорену и обругано злымъ поруганіемъ; и множества трупа человѣка разсѣчены отъ человѣкоядецъ онѣхъ въ сосудѣхъ лежащихъ.“ День этотъ кончился обѣдней и молебномъ въ Успенскомъ соборѣ.

Но очищеніемъ Москвы и взятіемъ Кремля не все кончилось: въ Москвѣ неизвѣстно еще было, гдѣ Ходкѣвичъ, который могъ грозить нападеніемъ. Надо было, слѣдовательно, подумать о томъ, какъ бы окончательно оградить первопрестольную столицу отъ внезапнаго нападенія непріятеля. Начальники ополченія составили по этому поводу совѣтъ, для котораго съѣзжались къ Трубецкому, поселившемуся въ Кремлѣ, на дворѣ Годунова, тогда какъ Пожарскій помѣстился на Арбатѣ, въ Воздвиженскомъ монастырѣ. Но дѣятельность ихъ была возмущена новымъ волненіемъ казаковъ, которые затянули прежнюю пѣсню о голодѣ и холодѣ, о выдачѣ по этому имъ жалованья, а то себѣ ни во что поставили, замѣчаетъ лѣтописецъ, что почти всю казну московскую захватили себѣ въ руки. Волненіе это не замедлило выразиться открытымъ возстаніемъ, въ которомъ сторону

воеводъ приняли дворяне, чѣмъ воеводы и спасены были отъ убійства.

Около этого же времени судьба послала намъ въ руки боярскихъ дѣтей изъ Вязьми,которые явились въ Москву шпіонами, думая, что Поляки еще держатся въ Кремлѣ. Изъ взятыхъ у нихъ грамотъ, подтвержденныхъ и ихъ собственными словами, Москва узнала, что король польскій Сигизмундъ, пришелъ въ Вязьму. Страхъ объялъ воеводъ и ополченіе при этомъ извѣстіи, тѣмъ болѣе, что ратные люди изъ-подъ Москвы разъѣхались, и запасовъ не было.

Но вѣрно ли самое извѣстіе? Извѣстіе вѣрно; король, дѣйствительно, былъ въ Вязьмѣ, куда прибылъ съ войскомъ, когда узналъ о плохомъ положеніи Поляковъ въ Москвѣ. Соединившись въ Вязьмѣ съ Ходкѣвичемъ (вонъ ужъ гдѣ былъ Ходкѣвичъ-то!), король пошелъ осаждать Погорѣлое Городище, гдѣ воеводой сидѣлъ князь Юр. Глоховскій. Когда король сталъ приступать къ городу „жестокими приступами", воевода выслалъ ему объяснить, чтобы онъ шелъ скорѣй подъ Москву и если Москва будетъ его, то они и подавно. Король, дѣйствительно, снялъ осаду и пошелъ дальше. Изъ-подъ Волока—Ламскаго посланъ былъ подъ Москву Жолкѣвскій и съ нимъ дьякъ Грамотинъ и др., которые были при посольствѣ съ митроп. Филаретомъ и кн. Голицынымъ, „зговаривати Москвы, чтобы привзяли королевича на царство",—какъ замѣчаетъ лѣтопись. Но попытка Жолкѣвскаго кончилась, неудачно: хотя ополченія, какъ мы сказали, и были въ страхѣ, узнавъ о походѣ короля,

тѣмъ не меньше, когда отрядъ Жолкѣвскаго приблизился къ Москвѣ, они его встрѣтили мужественно и обратили въ бѣгство. Въ стычкѣ съ непріятелемъ взятъ былъ въ плѣнъ между прочимъ нѣкто Смольянинъ Ив. Философовъ; его подвергли допросу: хотятъ ли взять королевича на царство? Людна ли Москва въ настоящее время? Запасы въ ней есть ли? Философовъ на ту минуту не колебался въ отвѣтѣ, которымъ привелъ Жолкѣвскаго въ такой ужасъ, что тотъ поспѣшилъ съ нимъ скорѣе къ королю подъ Волокъ. Здѣсь Философовъ вторично былъ допрошенъ въ присутсвіи самого Сигизмунда, гдѣ съ полнымъ убѣжденіемъ повторилъ, что Москва людна и хлѣбна, и что всѣ въ ней поклялись лучше умереть, а королевича на царство не брать. Извѣстіе это на самого Сигизмунда произвело охлаждающее дѣйствіе. Между тѣмъ приближалась зима; надо было хоть чѣмъ-нибудь ознаменовать свой походъ; и вотъ король польскій рѣшился взять хоть Волокъ. Воеводами въ Волокѣ были въ то время Ив. Карамышевъ да Степанъ Чемесовъ, но промыслу отъ нихъ въ городѣ мало было, а весь промыслъ былъ отъ атамановъ—Нелюба Маркова да Ив. Эпанчина, которые взяли на себя всю оборону города. Три раза Сигизмундъ подступалъ къ Волоку стычки были жестокія, но городъ и не думалъ сдаваться. Между тѣмъ пошли морозы; и безъ того небольшое войско польское, потерявшее не мало людей на приступахъ, стало замѣтно рѣдѣть отъ голоду и отъ морозовъ. Видя, что дѣлать ничего не остается, Сигизмундъ со стыдомъ снялъ осаду и поспѣшно воротился домой.

Быстро до Москвы дошла вѣсть объ отступленіи Сигизмунда. Вотъ теперь-то радость была полная въ первопрестольной столицѣ! Сейчасъ же разосланы были по всѣмъ городамъ грамоты съ этимъ извѣстіемъ, и всѣ люди Русскіе слились въ одной общей радости. Въ это же время получена была другая, не менѣе радостная вѣсть: Заруцкій, котораго мы оставили въ Михайловѣ, поднялся опять, и съ шайкой своей напалъ на Переславль-Рязанскій, но воевода Переяславскій Мих. Матв. Бутурлинъ далъ ему сраженіе подъ стѣнами города, гдѣ Заруцкій былъ разбитъ на голову и бросился съ оставшимися людьми и Мариной въ Украйну.

Итакъ ополченія совершили первую и самую трудную половину своей задачи, — оставалось теперь заключить имъ свою дѣятельность избраніемъ Государя Русской земли. Съ этой цѣлью снова разосланы были по всѣмъ городамъ Московскаго государства грамоты, призывающія на Москву властей, бояръ и всякихъ чиновъ людей. Выборные съѣхались, но прежде чѣмъ приступлено къ выполненію цѣли съѣзда, назначенъ былъ 3-хъ дневный постъ, послѣ котораго уже открылись соборы. Дѣло не обошлось конечно безъ игры страстей „койждо хотяше по своей мысли дѣяти", каждый хотѣлъ своего на престолъ, нѣкоторые же и сами добивались избранія, подкупали и засылали. Наконецъ 21-го февраля (въ недѣлю православія) народъ собрался на Лобномъ мѣстѣ: „Дивно же тогда сотворися—пишетъ Палицынъ—невѣдущимъ народомъ, чего ради собрани и еще прежде вопрошенія во всемъ народѣ яко отъ единыхъ устъ всѣ

возопиша велегласно: да будетъ царемъ Михаилъ Өеодоровичъ Романовъ, яко царскаго рода ближній сродникъ*." Такимъ образомъ единодушнымъ избраніемъ всего народа на сиротѣвшій престолъ Московскій былъ возведенъ родоначальникъ нынѣ Царствующаго Дома.

---

* Михаилъ Өеодоровичъ былъ внукъ любимѣйшей супруги Ивана Грознаго, Анастасіи; отецъ его, Өеодоръ Никитичъ (въ послѣдствіи патріархъ Филаретъ), былъ сынъ Никиты Романовича, роднаго брата Анастасіи Романовны.

Нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ

МИНИНА И ПОЖАРСКАГО.

Мы видѣли, что самое дѣятельное участіе въ событіяхъ 1612 года принимали Mининъ и Пожарскій, такъ что всѣ событія этого времени группируются исключительно около нихъ. Въ читателѣ очень естественно рождается желаніе познакомиться съ дальнѣйшей судьбой этихъ людей. Считаемъ обязанностію удовлетворить этому желанію кратко, въ общихъ чертахъ.

Начинаемъ съ Минина, какъ главнаго виновника всего дѣла. Здѣсь мы имѣемъ случай вторично заявить о своемъ сожалѣніи, что и исторія, и преданіе такъ мало сохранили для насъ о жизни этого говядаря-героя, этого лучшаго представителя Русскаго народа въ одну изъ самыхъ трудныхъ эпохъ его жизни. И дѣйствительно, что намъ извѣстно о Козьмѣ Захарьевичѣ послѣ его

знаменитаго подвига? Соберемъ тѣ немногія и отрывочныя свѣдѣнія о немъ, которыя даютъ намъ офиціальные памятники.

11-го іюля 1613 года, при коронованіи Михаила Ѳеодоровича, Минину пожалованы были: думное дворянство, домъ противъ Преображенскаго собора въ Нижнемъ и вотчина, село Богородицкое, за то, какъ сказано въ грамотѣ, „что онъ съ боярами, воеводами и ратными людьми пришедъ подъ Москву, Московское Государство очистилъ". Безъ сомнѣнія, какъ думный дворянинъ, Козьма Захарьевичъ долженъ былъ жить въ Москвѣ для засѣданія въ думѣ, но о дѣятельности его на этомъ новомъ поприщѣ мы положительно ничего не знаемъ.

Въ 1615 г. новое извѣстіе: въ слѣдствіе поданной Мининымъ царю челобитной на притѣсненія воеводами его родственниковъ и крестьянъ, жившихъ въ Нижнемъ Новгородѣ, послана была туда грамота, по которой сынъ, братья и крестьяне Минина освобождались отъ суда въ Нижнемъ, кромѣ дѣлъ татебныхъ и разбойныхъ и должны были судиться въ Москвѣ.

Въ слѣдующемъ 1616 г. Козьмы Захарьевича уже не было на свѣтѣ. Отправившись побывать на родину, онъ остановился въ пожалованномъ ему отъ Государя домѣ, гдѣ и умеръ.

Войдемъ въ Спасо-Преображенскій соборъ, гдѣ покоится прахъ спасителя отечества. Вотъ на лѣвой сторонѣ, за второю пилястрою, между гробницами митрополита Павла и архіепископа Питирима, видна доска,

на которой находится краткая, но краснорѣчивая надпись: „Гражданинъ Козьма Мининъ“ На колѣни, дѣти отечества! здѣсь наша і слава и гордость!..—Могилу Минина осѣняетъ списокъ съ знамени князя Димитрія Михайловича Пожарскаго (самое знамя, найденное въ Пурихѣ, съ 1827 г. находится въ Москвѣ), съ которымъ этотъ князь пошелъ по совѣту Минина на освобожденіе отечества.

Послѣ Козьмы Захарьевича осталась жена его, Татьяна (неизвѣстно гдѣ погребенная) и сынъ Нефедъ (погребенный близъ своего отца). Вотчина Минина, село Богородицкое съ деревнями, пожалованы Царемъ его прямымъ наслѣдникамъ, и подтверждена прежняя грамата, по которой дядья Нефеда съ крестьянами должны судиться только въ Москвѣ. Нефеда Козьмича Минина послѣ этого въ оффиціальныхъ памятникахъ встрѣчаемъ мы три раза: въ 1625 г., по случаю отпуска персидскаго посланника, въ числѣ стряпчихъ съ платьемъ на 8-мъ мѣстѣ; въ слѣдующемъ 1626—на свадьбѣ царской, у государева фонаря; наконецъ, въ 1628 г., онъ упоминается послѣдній разъ, по случаю представленія персидскаго посла. Погребенъ Нефедъ Козьмичъ, какъ мы сказали, близъ своего отца *).

Въ 1673—1681 гг., во время турецкой войны за Ма-

*) И вотчина Минина, село Богородицкое, и домъ его въ Нижнемъ пожалованы были князьямъ Черкасскимъ, первая въ 1632 г., второй въ 1633 году.

лороссію, опять мы встрѣчаемся съ фамиліей Минина въ лицѣ внука Козьмы Захарьевича, Михаила Леонтьева, который за отличіе въ битвахъ съ турками и крымцами получилъ отъ царя Θеодоря Алексѣевича въ награду помѣстье.

Правнукъ спасителя отечества, Алексѣй Мининъ, служившій при Елисаветѣ Петровнѣ въ офицерскихъ чинахъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку, императрицей Екатериной II возведенъ въ дворянское Россійской Имперіи достоинство 6 іюня 1786 г. „за службу дѣда Михаила и пращура Козьмы Мининыхъ“. Нѣкоторые доказываютъ, что и до сихъ поръ существуютъ родственники Минина въ лицѣ казанскихъ купцовъ Подсѣвальщиковыхъ, потомъ купеческую фамилію Мининыхъ, существующрю въ г. Валахнѣ, которую производятъ отъ одного изъ братьевъ Козьмы Захарьевича. На сколько это вѣрно, мы сказать не можемъ.

Перейдемъ теперь къ Пожарскому.

Въ день коронованія Михаила Θеодоровича, іюля 11-го 1613 г., Димитрій Михайловичъ пожалованъ былъ (слѣд. въ одинъ день съ Мининымъ) прямо изъ стольниковъ въ бояре, и при совершеніи священнаго мvропомазанія царскаго, онъ несъ царскій чинъ, т. е. скипетръ, державу, бармы. Кромѣ того еще пожалованы были ему помѣстья: въ Московскомъ уѣздѣ село Вельяминово и въ Суздальскомъ Холуи.

Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого, Пожарскій долженъ былъ отдать дань мѣстничеству, т. е. обы-

чаю считаться заслугами и чинами своихъ предковъ. Дѣло было такъ: 6-го декабря 1612 г. царь, жалуя боярство Борису Салтыкову, приказалъ князю Пожарскому объявить ему эту милость, но тотъ отказался, такъ какъ считалъ, что меньше Салтыкова быть ему не вмѣстно, и подъ предлогомъ болѣзни уѣхалъ въ деревню. Салтыковъ принялъ это за оскорбленіе своего рода и подалъ царю просьбу, доказывая что „князю Д. М. Пожарскому можно быть не только меньше его, Бориса, но даже меньше его брата многими мѣстами“. Дѣло было разобрано, и Салтыковъ оказался правъ: Пожарскаго присудили къ обычному въ то время за такія преступленія наказанію—выдать головою Салтыкову *). Это унизительное наказаніе не имѣло однако никакого вліянія на судьбу Пожарскаго: царская довѣренность къ нему отъ этого не уменьшилась. Въ продолженіе всей остальной жизни Димитрія Михайловича мы встрѣчаемъ его постоянно въ самой неутомимой и разнообразной дѣятель-

*) Выданный головою, съ присланнымъ отъ царя дьякомъ, либо сыномъ боярскимъ въ домъ къ обиженному, долженъ былъ поклониться хозяину въ землю и, прося прощенія, не вставать до тѣхъ поръ, пока не умилостивитъ его. Обиженный велерѣчиво вычитывалъ лежащему у ногъ его обидчику свои неудовольствія, укоряя за безчестіе, нанесенное его роду; и когда тотъ съ покорностію выслушалъ всѣ упреки, то, примолвивъ, что «повинную голову мечъ не сѣчетъ» подавалъ ему руку и помогалъ встать на ноги. Пожарскаго на Салтыковскій дворъ водилъ Перфилъ Секеринъ.

ности на службѣ отечества, и видимъ постоянное благоволеніе къ нему царя.

Подробный разсказъ объ этой дѣятельности выходитъ изъ предѣловъ нашего плана, ограничимся, какъ это мы сдѣлали при обзорѣ его дѣятельности до 1612 г., общимъ, краткимъ очеркомъ.

Мы сказали, что дѣйствительно, въ продолженіе 27 лѣтъ, отъ 1615 до 1642 г., мы видимъ его и полководцемъ, и воеводой въ городахъ, и засѣдающимъ въ приказахъ.

Открывается его дѣятельность съ 1615 года погоней за польскимъ наѣздникомъ Лисовскимъ, опустошавшимъ югозападныя границы: настигнувъ его подъ Орломъ и прогнавъ къ Карачеву, Димитрій Михайловичъ слегъ отъ тяжкой болѣзни, истомленный невѣроятно быстрою гоньбою за удалымъ наѣздникомъ. Въ 1617 г. онъ участвовалъ въ заключеніи вѣчнаго мира со Швеціей въ селѣ Столбовѣ (между Тихвиномъ и Ладогою). Въ слѣдующемъ, 1618 г., Пожарскій былъ отправленъ царемъ для укрѣпленія Можайска и Калуги противъ польскаго короля Владислава, шедшаго съ Ходкѣвичемъ на Москву съ цѣлью силой овладѣть московскимъ престоломъ. Дорогобужъ и Вязьма были уже покинуты своими воеводами и сдались Владиславу, какъ царю московскому, но Калуга съ Можайскомъ, защищенные Пожарскимъ, остались тверды. За всѣ эти службы Пожарскій получилъ: кубокъ серебряный позолоченный съ покрышкою, вѣсомъ

въ три гривенки, 36 зол., шубу — атласъ турецкій на соболяхъ, пуговицы серебренныя-золоченныя.

1-го декабря 1618 г. было заключено перемиріе съ Поляками въ дер. Деулинѣ (отъ Троицы въ 3-хъ верст.), въ силу котораго отецъ Мих. Ѳеод. возвращался изъ плѣна: для встрѣчи его былъ отправленъ въ Можайскъ Пожарскій съ привѣтствіемъ отъ сына. При посвященіи Филарета Никитича въ патріархи, въ сентябрѣ 1619 г., Пожарскому за дѣятельное участіе въ послѣдней войнѣ даны были: село, проселокъ, сельцо и четыре деревни.

Съ 1621 г. по 1628 г. Пожарскій засѣдалъ въ разбойномъ приказѣ и, не смотря на мѣстническія книги и челобитныя, въ которыхъ еще писалось, что Пожарскіе люди „не разрядные", онъ занималъ видныя мѣста на обѣихъ свадьбахъ царя Мих. Ѳеод. именно: втораго дружка съ государевой стороны, а жена его, княгиня Прасковья Варѳоломеевна, была второй свахой съ государевой стороны.

Въ 1628 г. Пожарскій былъ назначенъ воеводой въ Новгородъ Великій, а въ 1635 г. получилъ назначеніе въ судный московскій приказъ. Въ 1637 г. поручено ему имѣть главный надзоръ надъ работами землянаго вала,

* Въ этомъ же 1637 году Дим. Мих. построилъ на собственное иждивеніе Казанскій соборъ близъ рядовъ и перенесъ туда изъ приходской своей церкви (на Лубянкѣ, въ его домѣ) чудотворную икону Богородицы, присланную ему изъ Казани и сопровождавшую его войско при завоеваніи Москвы.

обводившагося тогда около всей столицы на случай набѣговъ отъ крымскихъ Татаръ, а, по исполненіи этого, онъ былъ отправленъ съ войскомъ въ Рязань для отраженія этихъ опустошителей.* Подъ 1641 г. имя Пожарскаго встрѣчается послѣдній разъ за царскимъ столомъ, а въ 1642 г. полагаютъ его кончину. Спустя 42 года по смерти Дмитрія Михайловича, угасъ его родъ по мужской линіи смертію Князя Юрія Ивановича, умершаго бездѣтнымъ, по женской же линіи черезъ браки Анны, Евдокіи и Агриппины, внучекъ его, родъ Пожарскаго перешелъ въ фамиліи: Репниныхъ, Милославскихъ, Долгорукихъ и Куракиныхъ.

Лучшій судья нашихъ дѣлъ—потомство. Современники не всегда оцѣниваютъ по достоинству заслуги великихъ людей.

Эта старая истина оправдалась и на нашихъ герояхъ. Въ продолженіе цѣлаго столѣтія подвигъ ихъ и они сами оставались въ забвеніи, вывести ихъ изъ котораго суждено было тому же, кто вывелъ всю Россію на другую свѣжую дорогу... Дѣло было такъ: 30-го мая 1722 г., въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ, въ Нижнемъ, служилъ архіепископъ Питиримъ обѣдню. На правомъ клиросѣ съ пѣвчими стоялъ мужчина, гигантскаго роста, прекрасный собою, на видъ ему было лѣтъ 50. Онъ самъ пѣлъ, самъ громкимъ голосомъ читалъ апостолъ. Отошла обѣдня, и онъ спросилъ: „гдѣ похороненъ Мининъ"? Мѣсто было показано, и онъ палъ ницъ передъ гробницею, вос-

кликнувъ: „здѣсь лежитъ спаситель отечества“! Нужно ли объяснять читателю, что это былъ Петръ Великій? Съ этого времени началась слава Минина и, конечно, Пожарскаго, какъ неизмѣннаго его сподвижника.

Событія 1812 г., какъ его называютъ, „Французскаго года“, живо напомнили намъ близкія къ нему по своему характеру событія 1612 г. И вотъ слава главныхъ представителей этого года, Минина и Пожарскаго, явилась въ новомъ свѣтѣ. Императоръ Александръ I засвидѣтельствовалъ свое уваженіе къ памяти Минина и признательность къ его согражданамъ—потомкамъ, выразивъ желаніе, чтобы знамена, сопровождавшія нижегородцевъ въ 1812 г., вѣчно осѣняли прахъ того нижегородца, который спасъ Россію въ 1612 г. Но подвигъ Минина и Пожарскаго принадлежитъ всей Россіи ,и благодарность имъ должна быть выражена отъ лица цѣлаго государства. Осуществленіе этого долга мы видимъ въ двухъ памятникахъ Минину и Пожарскому, изъ которыхъ одинъ *), по повелѣнію императора Александра I-го, поставленъ въ Москвѣ, на Красной площади, въ 1826 году (па немъ надпись: „Гражданину Минину и Князю Пожарскому благодарная Россія“), а другой,—въ видѣ высокой пирамиды изъ полированнаго гранита, на родинѣ Минина, въ Нижнемъ Новгородѣ, въ 1818 году. Кромѣ того въ 1852 г., въ нижней соборной церкви, въ Нижнемъ Новгородѣ, преосвящ. Іереміемъ освящены два придѣла: одинъ св. Космы и Даміана, въ честь Козьмы Минина, другой св. Димитрія Селунскаго, въ честь Пожарскаго *).

*) Отлитъ по проэкту Мартоса художниковъ Екимовыхъ.

*) Источниками и пособіемъ при составленіи этой книжки служили для меня главнымъ образомъ: 1) VIII т. Ник. лѣтописи; 2) Сказаніе Авр. Палицына; 3) VIII т. и нѣсколько страницъ IX т. «Истор. Россіи» проф. Соловьева; 4) двѣ статьи П. Мельникова: а) «Нижній Новгородъ и Нижегородцы въ смутное время» въ Отеч. Зап... 1843 г. т. XXIX, и б) «Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о Пожарскомъ, Мининѣ о т. п. въ «Москвит.» 1850 г., II т., 5) «Біографическія свѣдѣнія о кн. Д. М. Пожарскомъ» А. Малиновскаго. М. 1817 г.

21. Жизнеописанія Московскихъ первосвятителей и чудотворцевъ: Петра, Алексія, Іоны и Филиппа. Состав. А. Невскимъ. (Изд. 2-е дополненное). ц. 15 к.

22. Св. Зосима и Марія ц. 10 к.

23. Жизнь преп. Антонія Печерскаго. Сост. И. Бѣляевымъ. ц. 15 к.

24 Жизнь препод. Антонія Печерскаго. Сост. И. Бѣляевыхъ ц. 10 коп.

*25 Благов. Евдокія, Великая Княгиня Московская, въ инокиняхъ Евфросинія. Бѣляева. ц. 12 к.

26. О подражаніи Іисусу Христу. ц. 40 к.

27. Жизнь св. пророка Иліи. ц. 6 к.

28. Попеченіе о бѣдныхъ. Чаннинга, ц. 15 к.

29. Жизнеописаніе Плутарха. Пер. В. Ворье. ц. 60 к.

30. Лѣто на красномъ хуторѣ ц. 20 к.

31. Дѣлатели золота. Народ. повѣсть. Цшокке. Изд. 2-е ц. 25 к.

32. Какъ нужно обращаться съ животными. Изд. 2-е, съ 2 гравюра. ц. 10 к.

34. Обезьяны. Брема. 3 в. по 15 к.

34. Летучія мыши, Брема ц. 15 к.

35. Чѣмъ питается растеніе ц. 15 к.

*36. Тряпье и писчая бумага. Съ рисунками въ текстѣ. Состав. Г. Ѳедченко. ц. 25 к.

*37 Разсказы про нѣкоторые промыслы въ Россіи. И. Горѣлова. ц. 11 к.

*38. Растеніе. Первые уроки Ботаники. И. Зарубина ц. 15 к.

39. О самовоспитаніи. Чаннинга. Иад. 2-е ц. 20 к.

*40. Популярный курсъ начальныхъ основаній земледѣлія, для учителей сельскихъ училищъ. Сост. Н. А. Соковнинъ. Изд. 2-е исправленное. ц. 1 р. 25 к.

41. Букварь для обученія чтенію и письму ц. 3 к.
Указаніе къ Букварю. ц. 2 к.

42. Пять картинъ, главнѣйшіе эпизоды изъ жизни св. Тихона Задонскаго, Алексія Человѣка Божія, Митрофана Воронежскаго Чудотворца Преп. Сергія Радонежскаго Чудотвор., Николая Чудотвор. Рис. худ. Маковскій, ц. каждой 15 к.

43. Азбука и уроки изъ Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта ц. 25 к.

44. Сборникъ стихотвореній ц 1 р.

45. Описаніе Западной Сибири. 3 т. ц. 1 р. 80 к.

46. Жизнеописаніе Руфи. ц. 8 к.

47. Жизнь св. Дмитрія Митрополита Ростовскаго. ц. 20 к.

48. Семейная хроника. Пер. съ англійскаго 2 т. ц. 1 р. 50 к.

49. Слѣпая дѣвочка или обращеніе къ Богу. Переводъ съ англійскаго ц. 75 к.

---

*) Нумера книгъ обозначенные звѣздочкою указываютъ, сочиненіе, одобренное Ученымъ Комитетомъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія.

50. Агасверъ. Жуковскаго. ц. 20 к.
51. У всякаго свой конекъ. Пер. съ Нирица. ц. 25 к.
52. Сестра Розалія. Съ французскаго. 50 к.
53. Обращается ли солнце вокругъ земли, соч. Вейнберга. ц. 8 к.
54. Окрайны россіи. Разсказъ изъ русской Исторіи в. I. Печенѣги ц. 15 к.
55. Краткое жизнеописаніе св. Тихона. ц. 25 к.
56. Путешествіе женщины вокругъ свѣта. Иды Пфейферъ ц. 60 коп.
57. Православная вѣра, книга для религіознаго нравственнаго чтенія. свящ. Свирѣлина ц. 8 к.
58. Звѣздочка. Евг. Туръ ц. 40 к.
*59 Николай Коперникъ, основатель новой астрономіи ц. 20 к.
*60. Царь Федоръ Іоанновичъ. Истор. разск. Хомякова ц. 5 к.
*61. Благовѣщеніе, повѣсть Толычевой. ц. 20 к.
62. Хрустальное сердце, пов. Евг. Туръ ц. 40 к.
63. Святыни и достопримѣчательности Московскаго кремля. соч. Е. Вельтмана. ц. 8 к.
64. Разсказы и очерки о двѣнадцатомъ годѣ, соч. Толычевой ц. 40 к.
65. Бунтъ Стеньки Разина, соч. Генкина ц. 15 к.
*66 Общество распространенія св. писанія и его книгоноши ц. 20 к.
67. Разсказы о русскихъ самоучкахъ, соч. Величкина ц. 15 к.
*68 Старина земли русской, соч. А. Гатцука ц. 15 к.
69. Русская басня въ жизнеописаніяхъ ея главныхъ представителей соч. Желябужскаго ц. 30 к.
70. Пчела и Пчеловодство соч. Голубева ц. 25 к.
71. Наталья Борисовна Долгорукова и Березовскіе ссыльны соч. Толычевой ц. 20 к.
*72 Знаменитые естествоиспытатели Линней и Бюффонъ, соч. Маракуева ц. 30 к.
73. Куры и родственныя имъ птицы. соч. Маракуева ц. 35 к.
74. Дяденькины разсказы и бесѣды съ дѣтьми, соч. Князя Львова ц. 25 к.
75. Гребенщикъ, руководство къ выдѣлкѣ гребней, соч. Кишенскаго ц. 20 к.
76. Соломонія. Повѣсть Русской старины 1525 г. Е. Обуховой. ц. 40 к.
77. Холера 1830 г. ц. 35 к.

* Нумера книгъ обозначенные звѣздочкою указываетъ сочиненіе, одобренное Ученымъ Комитетомъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщеніе.